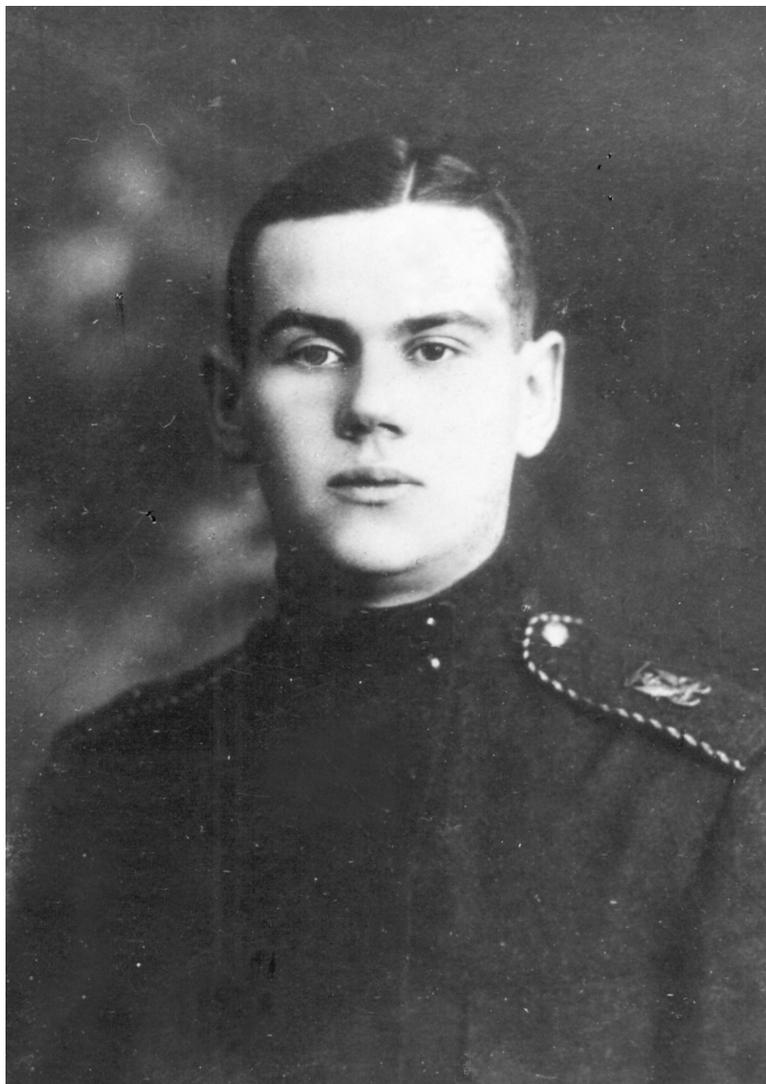

МИХАИЛ ПЕТРОВ

**АНАБАЗИС
ВОЛЬДЕМАРА
ХЕНДРИКСОНА**

Таллинн
2015

© 2011. Michael Petrov.
E-mail: petrov@infonet.ee

От автора

В основу сценария положена подлинная история Вольдемара Хендриксона, совершившего в середине двадцатых годов прошлого века пешее путешествие из Эстонии в Африку.

Обосновавшись в Абиссинии (Эфиопии), Хендриксон быстро стал одним из приближенных выдающегося государственного деятеля негуса Хайле Селассие I, имя которого с языка геэз переводится, как *сила Троицы*. Стоит напомнить, что Хайле Селассие (до коронации рас Тэфэри Мэконнын) принадлежал к династии потомков библейского царя Соломона. Негус возглавлял сопротивление итальянской агрессии в 1935-1936 годах. После возвращения на родину Хайле Селассие создал монархический режим, получивший наименование *просвещенной деспотии*. В 1963 году он стал одним из инициаторов создания Организации африканского единства. В 1973 году в результате военного переворота был свергнут и через год тайно убит по приказу кровожадного подполковника Менгисту Хайле Мариама.

Свою службу у негуса Вольдемар Хендриксон начинал с должности придворного художника. Позже в качестве инженера компании «Gold Maining» Хендриксон принимал участие в разработке абиссинских полезных ископаемых, а затем стал хозяином крупного пансионата. С началом итальянской агрессии Хайле Селассие без видимых к тому оснований поручил Хендриксону закупить в Великобритании оружие для абиссинской армии. Семейное предание Хендриксонов гласит, что негус удостоил Вольдемара Хендриксона высшего военно-феодалного титула *рас*, который обыкновенно принадлежал только племенным вождям. Это обстоятельство как будто поясняет неожиданный характер миссии, не получившей успешного завершения.

Как бы там ни было, Вольдемар Хендриксон был вынужден вернуться в Эстонию в стесненных финансовых обстоятельствах.

Пикантность истории «анабазиса» придает связь Вольдемара Хендриксона сразу с несколькими разведками. Начало сотрудничества с российской контрразведкой, вероятно, было положено ещё в 1915-1916 годах во время его службы в Петрограде в 1-й запасной автороте. В период Освободительной войны 1918-1920 годов довольно вялое сотрудничество Хендриксона с советской разведкой с большой долей вероятности могло быть инспирировано эстонской военной разведкой. Есть основания предполагать, что его работа на советскую разведку продолжилась в Африке, а затем и в оккупированной Эстонии.

В истории Вольдемара Хендриксона отчетливо просматривается британский след. Британская разведка традиционно курировала спецслужбы Балтийских стран и вряд ли упустила бы из внимания столь перспективную кандидатуру.

В самом начале германской оккупации к Хендриксону проявил интерес Abwehr (военная разведка и контрразведка Германии). Но что-то там не срослось, и оккупационные власти предложили ему гражданскую должность. От должности бургомистра города Вильянди Хендриксон наотрез отказался, предпочитая сохранить личную независимость от оккупационного режима.

Интерес к Хендриксону вновь проявился в конце оккупации Эстонии, когда Abwehr пытался оценить его возможности для выхода на британскую Military Intelligence (MI6). Abwehr внимательно следил за эстонским подпольем, за так называемыми англофилами и дефетистами (пораженцами, т.е. лицами, сомневавшимися в победе стран оси «Рим-Берлин-Токио» и их союзников) и был хорошо осведомлен о действиях британской агентуры в Эстонии. Причем настолько хорошо, что англофилы и дефетисты для удобства оперативной разработки 10 июля 1943 года специальным распоряжением начальника отдела В-IV полиции безопасности Э.Викса были выделены в отдельную группу.

Автор предпринимал попытки, в том числе по линии МИД РФ получить объективные сведения о пребывании Вольдемара Хендриксона в Абиссинии и о его предполагаемой работе на советскую и британскую разведки, однако спецслужбы, равно российские, британские и эстонские умеют хранить свои тайны.

Не подлежит сомнению, что с восстановлением советской власти в Эстонии Хендриксон создал внушительное по размерам антисоветское подполье, ставившее своей целью освобождение страны. Ставка делалась на возможную политическую и военную помощь Великобритании и США.

Надежды Вольдемара Хендриксона оказались несбыточными, прежде всего, в связи с тем, что неформальные договоренности союзников по антигитлеровской коалиции хранились в секрете. Он просто не мог знать о содержании переговоров президента США Рузвельта и премьер-министра Великобритании Черчилля с генералиссимусом Сталиным относительно послевоенного устройства Европы и дальнейшей судьбы стран Балтии. Это теперь широко известно, что еще в 1943 году в ходе Тегеранской конференции Рузвельт и Черчилль согласились признать довоенный статус Литвы, Латвии и Эстонии в качестве советских республик в составе СССР.

Официально Хендриксон был судим по статье 58-1 пункт «а» УК РСФСР за измену родине, признан виновным и расстрелян в 1945 году. Однако в его деле отсутствует важный документ — справка о приведении не подлежащего обжалованию приговора в исполнение.

«Анабазис Вольдемара Хендриксона» — рабочее название сценария. Первоначальное значение термина анабазис (*греч. ἀνάβασις* — *восхождение*) — военный поход из низменной местности в более возвышенную, например, с берега моря внутрь гористой местности. В современном понимании анабазис — это длительный военный поход по враждебной или просто недружественной территории и в переносном смысле — совершаемое человеком духовное восхождение.

Среди действующих лиц «анабазиса» есть исторически реальные персонажи: советский дипломат Исидор Гуковский, эстонский государственный деятель Ян Поска, поэт Николай Гумилев, исследователь Абиссинии Евгений Сенигов, писатель Михаил Арцыбашев, польский граф Анджей Прилуцкий, венгерский адмирал Миклош Хорти, премьер-министр Италии Бенито Муссолини, абиссинский негус (император) Хайле Селассие I.

Кстати сказать, есть документальное подтверждение встречи поэта Николая Гумилева с расом Тэфэри Мэконньном в бытность того губернатором провинции Харари. Гумилёв обращался к будущему негусу за разрешением на путешествие по Абиссинии и нашел его *мягким, нерешительным и непредприимчивым*.

Сюжет раскрывается в поединке следователя НКВД и подследственного, с которым следователь заключает сделку: в обмен на чистосердечное признание дает обещание сохранить в материалах дела удивительную историю Хендриксона — его личный анабазис.

В первоначальном варианте сценария имя главного героя было изменено на *Антон Хансен*. В настоящем варианте с любезного разрешения Шифары Хендриксона восстановлено имя его отца: Вольдемар Хендриксон.

Несмотря на документальный характер основы, автор оставляет за собой право на догадки и художественный вымысел.

Пролог. Октябрь 1945 года, Таллинн, Батарейная тюрьма.

Шаги по коридору Батарейной тюрьмы. Протертый дощанный пол, когда-то выкрашенный коричневой краской. Шаги гулко отдаются в сводчатых потолках.

Две пары сапог. Одни хромовые, хотя и выдавшие виды. Другие кирзовые, надраенные до зеркального блеска. Походка обладателя кирзовых сапог тяжелая. Это походка уверенного в себе человека, походка начальника. Обладатель потертого хрома слегка косолапит.

— Стой! Лицом к стене!

Хромовые сапожки разворачиваются носками к стене. Они давно не чищены, каблуки стерты с внешней стороны. Стертые каблуки объясняют косолапую походку их обладателя. В замке лязгает ключ. Противно скрипят несмазанные дверные петли.

— Проходи! Стой! Лицом к стене!

Хромовые сапоги косолапят и становятся носками к стене по другую сторону решетки.

— Проходи!

Две пары сапог движутся по коридору. Коридор кажется бесконечным. Шаги. Гул шагов. Две разные походки. Один голос:

— Стой! Лицом к стене! Проходи!

Шаги.

— Стой! Лицом к стене!

Уверенный стук в дверь.

— Войдите!

Стена Батарейной тюрьмы. Вид с моря. Волны накатывают на камни под тюремными стенами. Смеркается. В одном из окон поверх «намордника» виден свет.

Комната для допросов. Стены выкрашены зеленой краской до высоты человеческого роста. По краю розовая кайма. Потолок хранит следы побелки. Там, где сходятся своды, на скрученном шнуре висит яркая лампочка без абажура. Пол дощанный, скрипучий. Письменный стол без ящиков, грубый табурет, прикрученный к полу. Распахивается дверь. За дверью пара кирзовых сапог. Голос конвоира нагловатый с легким оттенком превосходства:

— Арестованного заказывали, товарищ младший лейтенант?

Слова «товарищ младший» конвоир выделяет интонационно, а «лейтенанта» он почти шепчет. Получается, что-то вроде «арестованного заказывали, товарищ младший».

— Давай его сюда!

Голос у лейтенанта юношеский, срывающийся на дискант.

— Проходи!

На пороге появляются хромовые сапоги, пытающиеся сохранить равновесие вопреки стоптанным каблукам.

— Проходите, садитесь, закуривайте. А вы, старший сержант, свободны.

Почувствовав слабину, сержант наглеет.

— Свободен как?

Лейтенант довольно удачно имитирует командирский голос:

— Не понял?

— Свободен в смысле, как сопля в полете или мне за дверью обождать?

— Ободождите за дверью.

Дверь хлопает, как выстрел.

Лейтенант пытается выглядеть хозяином положения:

— Как спалось? Жалобы на режим содержания есть?

— Благодарю вас, гражданин следователь, сон — это самое желанное развлечение в тюремных стенах.

Освободившись от необходимости балансировать на каблуках, хозяин стоптанных хромовых сапог прячет ноги под табуретом. Лейтенант, наоборот, вытягивает ноги в новеньких хромовых сапогах под стол. Сапог на правой ноге вальяжно ложится на сапог левой ноги, демонстрируя гостю, кто здесь хозяин. Слышен шорох переключаемой бумаги.

— Продолжим, пожалуй. На чем мы там остановились?

— Гражданин следователь, вы хотели убедиться в том, что я свободно владею абиссинским языком.

— Да-да, именно абиссинским. Я тут приготовил вам один текст.

Шуршат бумажные листы.

— Ага, вот и оно — искомое. Потрудитесь перевести ближе к тексту. И не вздумайте гнать туфту, я проверю.

После короткой паузы следует ответ подследственного.

— Здесь нет связного текста. Абракадабра какая-то.

— Значит, перевести не можете. Я почему-то так и думал. Ваньку мне тут валяете! То ли шпион фашистский, то ли интеллигент деревенский! Ничего, я вас быстро выведу на чистую воду. Не таких обламывали! Будете знать, как родину любить! Не можете, научим, не хотите, заставим!

— Гражданин следователь, вы будете меня абиссинскому языку учить?

Лейтенант горячится в расчете на хороший слух выводного в коридоре:

— Пятьдесят приседаний! Ну, сволочь фашистская, раз-два! Начали, я сказал!

— Не так быстро, гражданин следователь, а то я и русский язык могу забыть. Намучаетесь потом с переводчиками. Тут, видите ли, вот какое дело... Нет в природе абиссинского языка, и никогда не было.

Лейтенант не знает, как реагировать на выходку подследственного. На всякий случай делает самое строгое лицо, на какое только способен по молодости лет.

— Как прикажете вас понимать? Надоел комфорт, захотелось в карцер?

— Никак нет, гражданин следователь, мне больше нравится моя одиночка. А в Абиссинии говорят на амхарском языке. Три диалекта: шоанский, годжамский и гондарский. Владею разговорными диалектами свободно. Ваш текст больше похож на иврит. Могу разобрать только отдельные слова: хозяин, дом, окно, собака, гора...

Сцена 1. Таллинн, ресторан «Du Nord», весна 1926 года.

За столиками ресторана «Du Nord» рафинированная эстонская публика. По виду совершенная Европа. Модные костюмы и платья, шляпы и шляпки по последней парижской моде. За некоторыми столиками слышна немецкая речь. Господская речь, похоже, еще не вышла из моды окончательно. Так приятно чувствовать себя господами в своей стране.

За столиком у окна одинокий господин пьет кофе, подливая из кофейника погорячее. В обнищавшей Европе кофе в таких количествах давно не заказывают. В Эстонии же считается особым шиком продемонстрировать богатство. Посеребренный кофейник с дорогой арабикой и шоколадными пирожными — зримый символ богатства. Страна богатеет на транзите российских золотовалютных и культурных ценностей. Из Финляндии моторными лодками взят контрабандный спирт.

За окном шумит улица. На бульжной мостовой отчаянно трясутся дорогие автомобили. Фланирует воскресная публика. У колюдца на улице Ратаскаэву выстроились в ряд цветочницы. Рядом по-

лицейский в форме. Он горд собой, он сознает свое величие, поэтому на цветочниц смотрит снисходительно.

Господин за столиком долго следит за цветочницами, потом десертной ложечкой аккуратно отламывает крошечный кусочек шоколадного пирожного. И так раз за разом: кусочек пирожного, глоток кофе. Наконец, пирожное съедено, кофейник пуст. Господин, не торопясь, берет с вешалки пальто и шляпу. В этот солнечный мартовский денек ему не хочется обременять себя теплым драповым пальто. Аккуратно вывернутое подкладкой наружу оно элегантно переброшено через левую руку. В правой руке трость с круглым кремовым набалдашником из слоновой кости.

Стоя на крыльце ресторана, господин лениво шурится на весеннее солнце.

— Господин Хендриксон? Вольдемар Хендриксон?

Господин в котелке стоит ниже Хендриксона на мостовой и смотрит на него снизу вверх. По виду классический полицейский шпик.

— С кем имею честь?

— Криминальная полиция. Вот ордер на ваш арест, выданный городским судом Тарту.

Полицейский протягивает Хендриксону ордер.

— Чем обязан?

— Если вы плохо владеете эстонским языком, я могу перевести на финский или немецкий, даже на русский.

— Не утруждайте себя, я эстонец.

— В таком случае вы арестованы за незаконную продажу контрабандного спирта. Согласно решению суда вы проведете три месяца в тартуской городской тюрьме.

Сцена 2. За месяц до ареста. Редакция газеты «Helsingin Sanomat», 1926 год.

Хендриксон входит в редакцию газеты «Helsingin Sanomat» и уверенно идет сквозь анфиладу комнат к кабинету главного редактора. За столом в кабинете сидит тучный финн с окурком сигары в зубах. Финн скучает. Хендриксон стучит в дверь со стеклянной вставкой и надписью «Главный редактор».

— Войдите, черт вас задери!
Хендриксон распахивает дверь. На пороге он вежливо снимает шляпу.

— Простите, могу я видеть главного редактора?

Тучный господин с размаху вгоняет окурок в пепельницу:

— Не можете, черт вас задери.

— Простите?

— Нет у меня главного редактора! Я его уволил!

— Но позвольте...

— Нет, черт вас задери, не позволю! Я Эркко! Я никому не позволю подставлять меня под судебные иски! Вы, черт вас задери, кто такой? Идиот Пека ваш дружок?

Хендриксон входит в кабинет и закрывает за собой дверь.

— Если я правильно понял, то вы хозяин газеты?

— Да, черт вас задери, вы все поняли правильно. Я хозяин этого чертова листка, приносящего мне одни убытки.

— Простите, я, кажется, не совсем во время, но, поверьте, мое дело не терпит отлагательства.

Голос Хендриксона звучит вкрадчиво:

— Позвольте представиться: Вольдемар Хендриксон, хозяин парикмахерской в небольшом провинциальном городе на севере.

— Вам нужна чертова реклама?

— Нет, благодарю вас. Через месяц я сворачиваю дело и уезжаю в Африку.

Тейнонен демонстрирует крайнюю степень раздражения:

— Тогда какого черта?

— Успокойтесь, от вас мне нужно только удостоверение специального корреспондента вашей уважаемой газеты в Африке.

Хозяин газеты замирает в удивлении. Хендриксон вкрадчиво продолжает:

— О гонорах можете не беспокоиться. Климат на обоих берегах Финского залива мне одинаково противопоказан. Вы меня понимаете?

Хозяин успокаивается и закуривает сигарету.

— Кажется, понимаю. Вы ведь эстонец?

— Не совсем, но пусть это вас не тревожит. Ручаюсь, что после того, как вы мне выпишите удостоверение корреспондента, мы больше никогда не увидимся.

— В чем мой интерес?

— Я помогу вам уладить проблемы, возникшие по вине бывшего главного редактора. Надеюсь, это справедливо? По правде сказать, вы мне должны были бы еще и приплатить. Но не волнуйтесь, я человек не жадный.

Наконец, финн полностью опомнился:

— Входя ко мне в кабинет, вы понятия не имели о проблемах, оставленных мне этим идиотом Пеккой. Сейчас вы предлагаете мне уладить все его проблемы. Беда с этими эстонцами! Жулики и проходимцы!

Хозяин газеты встает из кресла, тяжело опираясь на подлокотники.

— Что мне мешает послать к черту господина Хендриксона вместе со всеми его чертовыми предложениями? Ну, что молчите, словно язык проглотили? Сейчас я укажу вам на дверь, и вы молча выйдете вон. Это понятно? Кивните в знак согласия.

Хендриксон кивает, но молчать не собирается:

— Вы умный человек, господин Эркко, и ничем, в отличие от меня, не рискуете. Даже деньгами.

Сцена 3. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

За столом младший лейтенант в форме НКВД. Форма с иголочки, подогнана идеально. На груди орден Красной звезды. Нашивка за ранение. Лейтенанту не больше двадцати лет. Над верхней губой жесткая щетка усов, призванных нагнать иллюзию взрослости. Очки в круглой оправе. Лейтенант, молча, перебирает бумаги.

Напротив него на табурете томится Хендриксон. Пауза в допросе позволяет разглядеть арестанта. Он уже не молод, но выглядит здорово и крепко. Лицо загорелое. Понятно, что загар не эстонский, а южный, прочно приставший к коже лица. Над верхней губой след от усов. Стрижка короткая. Волосы темные, лишь на висках со следами седины. Сложенные на коленях руки с узловатыми суставами пальцев покрыты загаром. Под черным пиджаком серая косоворотка. Бриджи песочного цвета заправлены в потрепанные сапоги со стоптанными каблуками.

Хендриксон смотрит на следователя. Почувствовав на себе равнодушный, не мигающий взгляд арестанта, лейтенант нашаривает под бумагами простенький жестяной портсигар. В портсигаре спрятаны дорогие красивые папиросы. Следователь, не разминая табак и не

сминая мундштук, прикуривает. Только выпустив в стол тонкую струю ароматного дыма, поднимает взгляд на арестанта. В очках следователя отражается свет электрической лампы. Блики на стеклах выглядят злоеще.

— Итак, когда вам пришла в голову мысль организовать в уезде антисоветскую националистически-повстанческую организацию?

— Если честно, то еще до прихода Красной армии. Я уже говорил вам, что свободно владею английским языком. У меня был радиоприемник, и я регулярно слушал передачи британского радио. О содержании передач я рассказывал соседям. Это было небезопасно, потому что полиция охотилась за англофилами.

— Хотите сказать, что вас преследовала эстонская полиция? В чем конкретно выразилось преследование?

— Конкретно меня это не коснулось, но опасность ареста была. Я знаю, что полиция безопасности издала специальный приказ выявлять среди эстонцев дефетистов и англофилов, изымать радиоприемники, пресекать панические настроения. Идея была в том, чтобы укрепить уверенность эстонцев в победе Германии и поднять военный дух народа. Кстати сказать, среди полицейских осведомителей было достаточно дефетистов. Возможно, мне просто повезло.

— Следствию известен этот документ. Уточните свои показания в части дефетистов. Какую организацию они представляют?

— Ровным счетом никакой. Организации дефетистов никогда не существовало. Дефетист — это значит пораженец. Можно сказать, что это обычные люди, не верившие в победу Германии. В каком-то смысле я тоже дефетист. Просто у людей была надежда, что Англия и Америка не признают советской оккупации Прибалтики и Польши. Надеялись даже, что между бывшими союзниками начнется война за нашу свободу.

— Хотите сказать, что вы активно поддерживали и распространяли антисоветские настроения еще во время фашистской оккупации и таким образом помогали Германии?

Лейтенант гасит окурок папиросы в бумажном кулечке. Через мгновение он уже на ногах и нависает над подследственным.

— Советую говорить правду. Вы сотрудничали с немецкими офицерами и следствию об этом известно. Чем вы помогали Германии?

— Ничем, и вы заблуждаетесь относительно моего сотрудничества с немцами. У меня с ними старые счеты. Разумеется, антисоветские настроения у меня сложились гораздо раньше, чем сюда пришли немцы. Я и сейчас уверен в том, что советская власть в Эстонии — это явление временное. Если хотите, то весь эстонский народ представляет

собой организацию дефетистов. Мы не верим в вашу победу. Никто не верит.

— Это еще почему?

— Вы отличные соседи в России, а здесь, в Эстонии вы в каком-то смысле гораздо опаснее немцев.

— Поясните свою мысль, Хендриксон.

— Охотно, гражданин следователь. Немцы никогда не воспринимали нас всерьез. Для них мы всегда рабы, поэтому для нас немец всегда враг. Вы же соблазняете эстонцев дружбой и свободой, которая у вас хуже рабства. Вашей дружбой вы хотите убить душу народа, лишить его мечты о настоящей свободе.

— Первый раз вижу человека, который не рад дружбе. Вам не нужны друзья? Хендриксон, мы пришли сюда, чтобы дать эстонскому пролетарию свободу от буржуазного рабства. Вам известно, что свобода есть осознанная необходимость?

— Да, гражданин, следователь, мне это обстоятельство известно.

— Так осознайте необходимость вашей свободы. Разоружитесь перед партией и народом. Будьте как все, кто встречал освободителей цветами.

— Цветов вы от меня уже не дождетесь, гражданин следователь.

— Да на хрен мне нужны ваши цветы! Я ж не баба какая-то, Хендриксон. Мне дорого ваше признание. Колись, гад, до седла, пока я добрый!

Лейтенант садится на стол перед подследственным и внезапно меняет стиль допроса:

— Следствию известно не только о ваших антисоветских построениях. Рассказывайте теперь о ваших антисоветских действиях! Правду! Говорите правду! Вы создали в двух уездах антисоветскую организацию «Борцы за родину». Каковы были цели организации? Средства? Состав? Структура? Способы связи? Шифры! Быстро! В глаза мне смотреть, сука продажная!

Нашарив позади себя портсигар и прикурив очередную папиросу, следователь выкрикивает заветное, припасенное из дома:

— И нечего мне тут яйца крутить, дефетист гребанный!

Сцена 4. Уездный эстонский городок, июнь 1941 года.

Комната во втором этаже деревянного дома. Обстановка бедная. Ничего лишнего. Платяной шкаф. Круглый стол с несколькими венскими стульями. На стене большое прямоугольное зеркало в деревянной раме. У окна кровать с горкой из подушек, накрытых домашними кружевами. Над кроватью плюшевый коврик.

За столом сидят несколько мужчин. Все курят. Под электрической лампой клубится табачный дым. Хендриксон стоит у окна и смотрит на улицу. Мужчины за столом спорят. Разговор идет на повышенных тонах.

— Послушай, Мярт, где ты был, когда пришли русские? Ты убил хотя бы одного русского солдата? Что ты сделал, для того чтобы защитить родину?

— Я протестовал! Я саботировал распоряжения! А ты, Эндель, что сделал? Лучше припомни, как ты от депортации бегал. Вспомни, как у тещи на хуторе под кроватью прятался!

— Тише, горячие эстонские парни, в город вот-вот войдут немцы. Если мы сейчас перессоримся, то это не пойдет на пользу Эстонии. Мы же борцы за свободу родины! У нас же есть идеалы!

— Ты еще президента Пятса вспомни, дурак! У него тоже были идеалы. Он эти идеалы сначала Гитлеру продал потом Сталину продал, не моргнув глазом. Где была армия?! Где был генерал Лайдонер?! Где была полиция?! В жопе! Ни одного выстрела по краснопузым! Ни один министр не повесился в знак протеста! Ни один офицер не застрелился! Эти гады, молча сожрали свои идеалы!

— А я считаю, что мы должны прямо заявить немцам, что мы никакая не советская республика, а независимое и демократическое государство! Сказать им от всей души спасибо, что освободили нас от коммунык! Надо немедленно объявить нейтралитет! Пусть все знают, что мы не воюем. Это не наша война!

— Пауль, быстро же ты забыл, как твоего дедушку по воскресеньям пороли на конюшне у немецкого барона. Забыл, что керосин и муку мы получили от русских? Забыл, что русские вернули нам свободные выборы, которых у нас со времен Учредительного собрания не было?

— Вот и целуйся с тиблами! Кто их звал сюда со своей мукой и керосином? Тоже мне благодетели! Эти благодетели в июне всю мою семью в Сибирь вывезли. Никогда им не прошу!

— А сам-то ты, что здесь делаешь? Мог бы с женой в Сибирь поехать, а не с потаскушкой Кадри тут развлекаться. Когда вы, нако-

нец, поймете, что людям нужны не абстрактные идеалы, а конкретная мука, керосин, мыло. Что мы вообще можем предложить людям?

— Ничего мы не можем! Нет у нас ничего! Склады охраняют бойцы «Омакайтсе». Кстати, нам предлагают влиться в их организацию. Но для начала мы должны отдать им коммуняк, которых Вольдемар прячет у себя в сарае.

— Нельзя отдавать. В «Омакайтсе» одни бандиты, они их просто перестреляют.

— Пусть перестреляют! Не жалко! Родина только чище станет! В городе говорят, что парни из «Омакайтсе» уже постреляли больше сотни коммунистов. Нам тоже пора взяться за оружие!

— Если ты решил застрелиться, то я достану тебе револьвер с одним патроном!

— Иди к черту! Целуйся со своими коммуняками!

— Про оружие — это все пустые разговоры. Нам негде взять оружие. Парни из «Омакайтсе» сторожат и оружие, и продуктовые склады. Я их видел, они настроены решительно. Достаточно малейшей искры, чтобы парни начали стрелять.

— Нельзя убивать активистов. Они ведь тоже эстонцы. Их судить надо, но сейчас некому. Нас слишком мало, чтобы разбрасываться людьми. Эстонец заслуживает уважения, даже когда он коммунист. Скажи им, Вольдемар!

Хендриксон отвечает, не поворачиваясь к столу. Говорит тихо, как бы через силу:

— На улице тихо. Тихо, потому что мы не допустили в городе насилия. Если теперь они публично расстреляют бывшее руководство города, которое сидит у меня в сарае, то вслед за этой кровью начнутся еврейские погромы. Значит, отдавать их парням из «Омакайтсе» нельзя. С другой стороны, придут немцы и всё равно сделают по-своему.

— Вольдемар, ты думаешь, немцы их убьют?

— Скорее всего, убьют. И большевиков убьют, и евреев тоже убьют. Мы не можем спасти евреев и не можем спасти большевиков. Если мы спрячем евреев, немцы убьют нас. Если не спрячем, то немцы убьют евреев. Если мы отпустим советских активистов, то нас тоже убьют, причем еще до прихода немцев. Знаете, как говорить, кто начал должен кончить, но это не про нас. Не мы начали, не нам и кончать.

— Стало быть, Вольдемар, по-твоему, пусть сидят. Значит, выхода нет! Правду говорят, если волк попал в яму, хочет и других в нее заманить!

Хендриксон поворачивается лицом к столу. По-прежнему говорит тихо:

— Я собрал вас, потому что со времен Адама мы все родственники, мы все эстонцы. Именно поэтому мы «Kodu võitlejate liit», а не убийцы из «Omakaitse». Мы не можем отпустить активистов, потому что это опасно для всех. Но эстонцы должны помогать эстонцам, которые попали в беду. Единственный выход: пусть убегут сами. Судить друг друга будем потом, если, конечно, доживем до такого дня. Сначала мы все должны выжить.

Сцена 5. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

Лейтенант продолжает сидеть на столе перед подследственным. Он прикуривает папиросу и сворачивает очередной бумажный кулечек. Пускать дым в лицо подследственному пока не решается. Нелепо выворачивая шею, дымит в погон.

— Послушайте, Хендриксон, или как там вас еще называть, я жду от вас признания в сотрудничестве с немецкой политической полицией или разведкой. Выбор сделайте сами.

Хендриксон отвечает после паузы. Глядя в глаза следователю, произносит:

— Зачем? Не вижу смысла менять шило на мыло. У меня и без того расстрельная статья.

— Спрашиваете зачем? Антисоветская националистическая повстанческая организация обязательно должна быть связана либо с гестапо, либо с разведкой.

— В Эстонии не было гестапо. У нас была своя полиция.

— Не умничайте, Хендриксон. Было, не было, какая разница?

— Разница в том, что это вы дошли до Берлина, и гестапо больше нет. Нельзя работать на того, кого нет. В чем признаваться?

Лейтенант нервничает:

— А это уже не ваше дело! Ваше дело отвечать на вопросы! Это понятно?

— Вполне.

— Я спрашиваю: понятно? Не слышу ответа!

— Да, понятно.

— Так-то лучше.

Кулек с пеплом и окурком летит в угол комнаты. Лейтенант возвращается за стол. Пытаясь успокоиться, перебирает бумаги. Успокоившись, продолжает допрос:

— В чем-то вы правы. Гитлера нет и гестапо тоже нет, но остались их агенты. Эти агенты есть злейшие враги нашей родины, и сейчас они ищут новых хозяев. Да, что там ищут! Они уже поступили на службу к англо-американскому империализму.

— Моей организации не нужны хозяева. Эстонцы сами хозяева на своей земле

— Опять крутите, Хендриксон! Вот ваши собственные показания о том, что вы рассчитывали на поддержку Англии и Америки!

Лейтенант трясет протоколом допроса.

— Рассчитывать на помощь, еще не значит искать себе хозяина. За семьсот лет эстонцы повидали разных хозяев. Вы здесь тоже надолго не задержитесь.

Опираясь руками на стол, лейтенант приподнимается со стула. Голос его звучит неожиданно грозно:

— Вы мне угрожаете? Вам пять минут до стенки, а вы мне угрожаете? Надеюсь, вы понимаете, что в моих силах сократить это время?

Хендриксон, не мигая, смотрит следователю в глаза. Отвечает почти мгновенно:

— Вы меня очень обяжете.

Внезапно лейтенант меняет тон на примирительный:

— Ладно, оставим до поры! Хочу понять, с кем я имею дело.

Это было изъято у вас при аресте.

Лейтенант протягивает Хендриксону два удостоверения личности немецкого образца.

— Какое из них ваше?

— Оба мои.

— Одно из них выдано в сентябре 1941 года на имя Вольдемара Хендриксона, другое в июне 1944 на имя Александра Варунина. Как прикажите это понимать?

Хендриксон расстегивает пуговики на воротнике косоворотки.

— Никак не прикажу. Оба удостоверения мои. При рождении я получил двойное имя Вольдемар-Александр. Хендриксон фамилия отца. Варуниным я стал в конце 1915 года при поступлении в автомобильную роту в Петербурге. По какой-то причине эстонцев туда не

брали. Командир роты записал меня Варуниным. У меня сохранились документы на это имя, полученные на унтер-офицерских курсах.

— Бред какой-то! Удостоверение выписано на имя Воронина, а не Варунина. Как вы это объясните?

— Волостной писарь ошибся буквой, когда выписывал удостоверение, а немцам было все равно Варунин я или Воронин.

Лейтенант раскуривает новую папиросу. Свернув очередной бумажный кулечек, спрашивает:

— Сами-то верите в эту туфту?

Хендриксон пожимает плечами:

— Приходится.

Лейтенант показывает Хендриксону удостоверение личности.

— Смотрите, это удостоверение на имя Вольдемара Хендриксона, выданное в 1941 году. Оно подлинное. Бланк подлинный, печать подлинная, и выдано оно, очевидно, на основании заслуживающих доверия эстонских документов. Немцы же не дураки были.

Хендриксон снова пожимает плечами.

— Теперь смотрите сюда. Вот удостоверение на имя Воронина. Невооруженным глазом видно, что оно липовое. Бланк липовый. Бумага похожа и шрифты похожи, но мелкие надписи по-немецки сделаны с ошибками. Вы ведь в совершенстве владеете немецким языком?

Хендриксон кивает головой.

— Не слышу ответа?

— Да, владею.

— «Den Personalausweis» в оригинале на имя Хендриксона и «Die Personalausweis» в подделке на имя Воронина. Смотрите на печать в оригинале, а теперь на эту. В оригинале печать круглая, надпись читается четко. В подделке печать овальная. Надпись почти не читается. Смотрите! Здесь даже свастика подрисована чернильным карандашом. С такой липой вы собирались обманывать немцев? Наши эксперты обхохотались, когда обнаружили, что на липовом удостоверении личности даже отпечаток вашего большого пальца скопирован вареным яйцом. Как вы это объясните Воронин-Хендриксон?

— Никак.

Лейтенант гасит окурочек в бумажном кулечке. Кулечек летит в угол. Повисает мучительная для обеих театральная пауза. Следовательно не терпится насладиться драматизмом ситуации, но он тянет время. Арестант устал и ему просто хочется спать.

— Тогда я вам объясню. Подлинное удостоверение личности вы получили от немцев, поддельное изготовили сами. Вы не собирались предъявлять его немцам. Оно изготовлено для нас. За дураков нас держите?

— Ладно, ваша взяла. Но сначала объясните, зачем бы я стал копировать отпечаток своего пальца, когда мог бы воспользоваться любым из них?

Хендриксон демонстрирует оба больших пальца. Лейтенант ухмыляется с видом превосходства.

— Ну, это легко. Тот, кто фабриковал подделку, не имел в своем распоряжении вашего пальца, а только его отпечаток. Ну, к этому мы еще вернемся. А пока, Хендриксон, или как там вас называть, я не понял, почему нужно было менять имя при поступлении в простую автомобильную роту.

— Я и не говорил, что рота была простая.

Лейтенант снимает очки. Зажмурившись, массирует переносицу. Очки он носит недавно и они пока еще в тягость.

— С этого места подробнее и не смей мне врать! Проверю, если не сойдется, накажу карцером.

— Вы ничего не сможете проверить и вряд ли вообще что-нибудь найдете в архивах. По документам это было не воинское подразделение, а гражданская организация. Обычный гараж, в котором я заведовал ремонтной мастерской, и не более того.

— Вы же сказали, что это была рота. Боле того собственноручно указали, что служили в ее составе. Пытаетесь обмануть следствие? Голову мне заморочить пытаетесь?

Лейтенант возвращает очки на переносицу. Раскрыв портсигар, обнаруживает, что папиросы закончились.

— Все выкручиваетесь, Хендриксон. У вас же расстрельная статья: измена родине в форме боевой антисоветской организации. И, поверьте мне на слово, высшая мера социальной защиты — это благо по сравнению с двадцатью пятью годами в лагере. Мало, кто из ваших счастливых подельников доживет и до половины срока. Для вас же все кончится быстро и без мучений. Практически смерть в бою. Врать-то мне зачем?

— Мне практически все равно, но, возможно, еще живы люди, которым это может сильно повредить.

— Сознайтесь, вы служили в царской охране?

— Берите выше, в контрразведке.

В голосе следователя слышится неподдельная мука:

— Это ваш способ ответить на мою доброту, Хендриксон?

— К чему эти увещевания, гражданин следователь?

— А к тому, что вам незачем изворачиваться и лгать, в надежде сохранить себе жизнь. Вы можете позволить себе не лгать. Можете говорить правду, ничего не опасаясь.

— Если все предreshено, к чему тратиться на слова?

Следователь смотрит на подследственного с удивлением:

— Нас не станет, Хендриксон, а слова в этой картонной папке останутся. Мои вопросы, ваши ответы. Это история, Хендриксон. Ис-то-рия! Так что я вам не расстрел предлагаю, я фактически предлагаю вам личное бессмертие.

— Советская власть щедра на посулы. Власть — рабочим, земля — крестьянам. Пролетарии всех стран, объединяйтесь в колхоз! Отлично! Земля? Отлично! Фабрики — рабочим? Мало?! Товарищ Калинин, выпиши им хер от советской власти!

Возникает неловкая пауза. Лейтенант не понимает, как реагировать на антисоветскую выходку подследственного.

— Вы, гражданин следователь, власть, но вы не похожи на рабочего или крестьянина. Однако вы говорите от их имени. Они вас сами об этом попросили? Можете не отвечать... Если я вас правильно понял, вы предлагаете мне бессмертие на архивной полке?

— Это щедрый подарок, и не от власти, а от меня лично. Поверьте мне, настанет день, когда вас захотят не судить, а просто понять. Нам будут благодарны историки, а не мои боевые товарищи. Ну же, Хендриксон, будьте благоразумны.

Хендриксон, сцепив пальцы, вытягивает руки в сторону следователя, потом медленно выворачивает ладони наружу. Жест не содержит угрозы, просто ему хочется размять руки и плечи.

— Призываете меня проявить благоразумие висельника?

— Вываю к разуму умного человека. Вы сейчас вольны сами сделать выбор между классовой ненавистью, нравственным безразличием и сочувствием с моей стороны. Не важно, верите вы мне или нет, вас будут судить только за антисоветскую деятельность. Все остальные ваши показания будут похоронены тут.

Лейтенант выразительно стучит ладонью по картонной обложке уголовного дела. Хендриксон усмехается:

— Быстро же вы меня похоронили, ведь обещали бессмертие. Впрочем, черт с вами! Но сначала, гражданин начальник, ответьте мне на один простой вопрос: каким образом вы собираетесь судить меня за измену родине?

Лейтенант прикуривает папиросу и сворачивает бумажный кулечек для пепла:

— Послушайте, Хендриксон, вы как малое дитя. К чему все эти «зачем» и «почему»? Вы же умный человек! Уголовный кодекс Эстонской ССР находится в стадии разработки. На территории Эстонии временно действует Уголовный кодекс Российской Федерации. Вопрос согласован во всех инстанциях.

— Я спрашивал вас о другом: каким образом вы собираетесь судить меня за измену родине? Моя родина — это Эстония, а не Россия. Это логично?

— Логично, Хендриксон, логично. Но вас судят как гражданина СССР. Пятьдесят восьмая статья Уголовного кодекса придумана для граждан. Иностранцев у нас судят за шпионаж.

— Вы не находите это забавным, гражданин следователь, что за измену родине в СССР не судят иностранцев? Вот и судите меня за шпионаж в пользу Эстонской Республики, поскольку у меня нет гражданства СССР.

Лейтенант хохочет. Отхохотав, сплевывает в бумажный кулечек и гасит в нем папиросу. Кулечек летит в общую кучку.

— Насмешили вы меня, Хендриксон, почти до слез. Оказывается, вас беспокоит факт гражданства. Я вам так скажу: нет никакой Эстонии, а есть Эстонская Советская Социалистическая Республика. Существует принцип преемственности. То, что вы не успели получить советский паспорт, еще не значит, что вы сохранили гражданство буржуазной Эстонии. Для закона вы не иностранный шпион, а гражданин СССР в полном и точном смысле этого слова: гражданин! Надеюсь, это понятно?

Сцена 6. Петроград, набережная Невы, ноябрь 1919 года.

У парапета двое мужчин, одетых по моде времени в смешение военных и гражданских вещей. Тот, что постарше с бородой и усами. Одет в потрепанное пальто, бриджи и сапоги, на голове фуражка без кокарды и пружины. Шея туго стянута воротом офицерской гимнастерки. Оба смотрят на Петропавловскую крепость. За спиной группами и поодиночке проходят солдаты в длинных серых шинелях и обмотках, некоторые с винтовками, большинство без.

— Вольдемар, не будем лукавить: положение на фронте отчаянное.

— На фронте?

— Вы правы, какой там к черту фронт! Так, одна видимость. Фронт есть, потому что большевики, как будто, остановились. Если начнут наступление, то сомнут фронт без труда.

— А что союзники?

— Это вы про эстонцев? Господа союзники ведут себя омерзительно. Саботаж процветает. Английские поставки застревают на складах. Продукты, обмундирование, патроны, словом, все, в чем нуждается Северный корпус, застревает в Ревеле. Снарядов нет. Эстонцы разоружают и в буквальном смысле слова раздевают и разувает вывалившиеся из боя части корпуса. Неделю назад заградительным огнем положили на лёд Наровы солдат вперемежку с беженцами. Представляете себе картинку? С той стороны пулемёты и с этой стороны пулемёты. Женщины, дети, крики, пулеметные очереди, ад кромешный! Двое суток на льду! Тифа они, видите ли, испугались, эпидемии опасаются. А что союзники на льду, женщины на льду двое суток, дети на льду, так это плевать!

— А что Родзянко? Юденич?

— Играют с эстонцами в штабные игры. Юденич, видите ли, боевой генерал и в детстве не наигрался. Петиции подписывает вместе с правительством Северо-запада России. Вот, где бордель, просты Господи! Обросли женами и домочадцами, квартирами в Ревеле обзавелись, к вечернему чаю подают английские галеты с малиновым джемом. Готовы взапас целоваться с эстонцами, лишь бы их из Ревеля не поперли. И эти сволочи вот так нас держат!

Повернувшись к Зимнему дворцу, показывает сжатый кулак с побелевшими пальцами. Хендриксон накрывает кулак ладонью.

— Господин полковник...

— Не надо, Вольдемар. Прошу вас без чинов, я ведь вам больше не командир. Сами видите, какой марьяж позорный складывается. И карты крапленые, и партнеры шулера, и мизер ловленный, и без позора из игры не выйти.

— Привыкайте, Алексей Васильевич. Здесь надо всего бояться. Здесь хуже, чем на фронте, здесь нас вообще можно брать голыми руками. Бежать отсюда надо куда подальше.

Полковник усмехается:

— На Дон к Каледину? Это мы уже проходили, Вольдемар. И где теперь Дон, и где Каледин?

— Зачем на Дон? Уж если бежать отсюда, так в Африку.

— А вы всё такой же неисправимый мечтатель. Это вас Николай Степанович с пути истинного сбивает? Как это там у него:

Древний я отрыл храм из-под песка,
Именем моим названа река.
И в стране озер пять больших племен
Слушались меня, чтили мой закон.
Но теперь я слаб, как во власти сна
И больна душа, тягостно больна;
Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь, в четырех стенах;
Даже блеск ружья, даже плеск волны
Эту цепь порвать ныне не вольны...
И, тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Полковник растирает озябшие руки и поворачивается лицом к реке. После паузы задает вопрос:

— Давно его видели?

— С неделю назад, да и то не уверен был ли это господин Гумилёв. Вроде и походка его, а лицо серое, глаза пустые. Смотрит на меня в упор и не видит. Я, было, хотел поздороваться, да счел неуместным.

— Не жалейте его, Вольдемар. Войны и революции созданы исключительно для поэтов. Это нам с вами кровь и трупы, а им музы и непентес. Это им Россия — тюрьма, а по мне запри меня в четырех стенах, да с камином где-нибудь в Царском или в Гатчине, так и до смерти Африки никакой не надо.

Ребром ладони, приложенным от носа к кокарде, полковник машинально проверяет на месте ли фуражка. Вольдемар поворачивается лицом к реке и осторожно задает вопрос:

— Алексей Васильевич, я могу быть вам чем-то полезен?

Полковник прикуривает папиросу. Продув мундштук делает несколько затяжек, по-фронтовому спрятав папиросу в горсти.

— Вы же всего боитесь, Вольдемар. Простите, но я никак не решу, могу ли я вам теперь доверять

— Раньше доверяли.

— Так то раньше. Раньше я был вам командир. Раньше присяга была государю, честь офицерская, страх Божий был, а что теперь? Свобода? Равенство? Братство?

— Или смерть.

— Простите?

— Смерть, Алексей Васильевич. Нет свободы, нет равенства и братства, тогда смерть. Liberté, Égalité, Fraternité, ou la Mort!

— Политика — вот, где смерть без свободы и братства, одно только равенство...

— Не знаю, Алексей Васильевич, я в политику не лезу. Сижу тихо, книжки про Африку читаю.

— Скажите, Вольдемар, вам деньги на дорогу нужны?

— На какую дорогу?

— В Африку, конечно. Я знаю, где взять. Много не обещаю, но на дорогу и харчи хватит.

— Если никого не надо убивать, то можете на меня определенно рассчитывать.

— Экий вы прыткий! Сразу убивать! Давайте-ка лучше пройдемся, не будем товарищам глаза мозолить. Вы не против?

Вольдемар кивает головой, и мужчины не спеша идут вдоль набережной в сторону Троицкого моста. Докурив папиросу, мужчина постарше продолжает разговор.

— К родственникам в Эстонию можете поехать?

— Могу.

— Язык еще не забыли?

— Никак нет.

Мужчина постарше останавливается и пристально смотрит в глаза Вольдемару. Важность дальнейшего разговора подчеркивается внезапным переходом на «ты».

— Вольдемар, я больше не твой командир и приказывать не могу. Дело проиграно или почти проиграно, что одно и то же. Можно попробовать спасти то, что еще можно спасти.

Вольдемар Хендриксон усмехается:

— Ценности короны? Помилуйте, Алексей Васильевич, я не гожусь для экспроприаций, да и стрелок из меня никудышный.

— Не кривляйтесь, Вольдемар, это не ваше амплуа. Золото живет долго, очень долго. Крестик на вашей шее может быть из двухсотлетнего демидовского металла, а может быть из трехтысячелетнего нубийского золота, и вы никогда об этом не узнаете. Люди, Вольдемар, столько не живут, а стоят дороже, их в плавильную печь на переплавку не отправишь. Люди — вот настоящее злато, да истинной цены им никто не знает. Мешают с дерьмом, прости Господи!

— О ком это вы, Алексей Васильевич? Люди нынче стоят меньше, чем ружья. Даже английские портки дороже человеческой жизни, я уже не говорю о приличной обуви. Знаете, сколько миллионов стоят ваши сапоги? А ваша жизнь? Копейка, Алексей Васильевич, копей-ка! Спросите об этом любого мазурика на базаре, больше копейки никто не даст!

Мужчина постарше продолжает смотреть в глаза Вольдемару, пока тот не отводит в сторону смущенный взгляд.

— Послушайте, Вольдемар, Антанта ведет себя паскудно. Особенно англичане. Влезли на Кавказ и в Крым, влезли в Эстляндию и Лифляндию. Мутят воду. Еще бы! В кои-то веки представилась возможность расчленить Россию чужими руками. Латыши и эстонцы просто омерзительны, за линией фронта такое вытворяют, чего немцы себе никогда не позволяли. Хуже того, эстонцы хотят замириться с большевиками. За шкуры солдат Северного корпуса идет отчаянный торг.

— А я—то чем могу, Алексей Васильевич?

— Идемте отсюда, а то на нас уже обращают внимание.

Мужчины медленно идут по набережной Невы. После паузы мужчина постарше продолжает:

— Давно дома не были? Так вот, поедете домой...

— За линию фронта?

— Вы были невнимательны, Вольдемар, нет никакой линии фронта, одна видимость. Документы я вам выправлю подлинные. Скорее всего, легкое ранение или контузия, отправлен на домашнее лечение. Поедете один, никто вас там, в Эстляндии, встречать не будет. Поживите дома недельки две, обвыкните, осмотритесь, оденьтесь по тамошней военной моде. Потом поезжайте в Юрьев. На почтамте будет для вас конверт.

— С инструкциями?

— Нет, Вольдемар, с рекомендациями от эстонского главнокомандующего Лайдонера. Вскоре в Юрьеве начнутся переговоры с большевиками о мире. Устройтесь курьером в эстонскую делегацию. Нам чрезвычайно важно знать изнутри, как пойдут переговоры, какие требования будут выдвигать эстонцы, кто ими руководит из британской военной миссии. Вот, собственно, и вся инструкция. Имейте в виду, что корпус к переговорам никто и близко не подпустит, но мы должны знать как быстро будут развиваться дальнейшие события.

— А если они не договорятся?

— Вопрос о мире с большевиками решен, они безоговорочно признают государственную самостоятельность Эстонской Республики, как год назад они признали Эстляндскую трудовую коммуну. На переговорах будет поднято три вопроса. Прежде всего, денежные компенсации. Очевидно, эстонцы будут претендовать на долю в золотом запасе империи. От размеров их притязаний будет зависеть скорость переговоров. Второе направление переговоров — это граница. Здесь интерес британский. Если по вопросу об участии в золотом запасе большевики будут отчаянно торговаться, то в вопросе границ они пойдут на любые уступки.

— Алексей Васильевич, если вы уже все знаете, я-то вам зачем?

— А вот зачем: большевиков тревожит судьба Северного корпуса — это третье направление. В корпусе они видят источник постоянной угрозы для Петрограда. Мы предполагаем, что доля эстонцев в золотом запасе будет зависеть от того, как они распорядятся Северным корпусом, а это люди, Вольдемар. Русские люди. Мы опасаемся, что корпус будет попросту разоружен и выдан на съедение большевикам. Это и есть третий вопрос переговоров, но для нас он самый важный.

— Но постоит, Алексей Васильевич, а как же союзники, как же Антанта? Это же прямое предательство!

Мужчина постарше останавливается. Говорит медленно и со злостью:

— Правительство для Северо-западной области России нас предало еще летом. Эстонцы нам не союзники. Франция, Британия и Североамериканские Штаты в Париже решили судьбу послевоенного мира без нас. Лига наций будет, но будет без нас, без России. Война стала бессмысленной. Мы хотим спасти людей. Россия без русских не имеет смысла. Золото в Сибири и на Дальнем Востоке мы всегда найдем, а вот людей взять будет нигде. Их еще родить нужно и воспитать.

— Вы же сами говорили, что вернуть корпус в Россию значит отдать его на съедение большевикам. Где логика, Алексей Васильевич?

— Вы хороший человек, Вольдемар, но, простите, вы всё же эстонец. Некоторые вещи, понятные русскому человеку от рождения, вам нужно объяснять. Большинству истинно русских людей, радующих за державу российскую, суждена позорная эмиграция. Кому на долгие десятилетия, а кому и навсегда. Жизнь коротка, а Россия — понятие вечное, Россия там, где есть русские, где русских нет, там нет России.

Сцена 7. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

На столе жестяной поднос с алюминиевым чайником, два стакана в подстаканниках, на тарелке горка бутербродов из ржаного хлеба с колбасой. Лейтенант бросает в угол очередной кулечек с окурком и расстегивает на кителе две верхние пуговики. Крупно: тонкие музыкальные пальцы и выпуклые латунные пуговицы со звездами. Подследственный ерзает на табуретке. Допрос затянулся и табуретка, на которой по тюремным правилам нужно сидеть без движения, сама по себе начинает превращаться в пыточный станок.

Голос следователя звучит вальяжно:

— Хендриксон, разрешаю вам встать, размять ноги и приглашаю поровну разделить со мной ужин. Без подвохов, заметьте, приглашаю. Уже поздно, а мы с вами застряли где-то в начале двадцатых годов. Будем теперь вечерять. Голодное брюхо, как говорится, к допросу глухо!

Лейтенант хохочет, довольный шуткой. Хендриксон молча, встает, делает несколько приседаний, машет руками, крутит головой, разминая шею.

Лейтенант разливает чай по стаканам.

— Прошу вас, Хендриксон, не стесняйтесь. В гестапо, поди, вас так не угощали!

Хендриксон замирает. Взгляд подследственного из равнодушного становится злым и холодным, и это замечает следователь.

— Ладно, Хендриксон, это была шутка. К вопросу о гестапо мы еще вернемся, а пока давайте поедим. Голод не тётка! Война войной, а обед по расписанию!

Хендриксон осторожно берет свой стакан и бутерброд. Чай почти остыл, но растворенная в кипятке заварка оказывается неожиданно крепкой. Едят молча. Закончив еду, лейтенант закуривает.

— Вот скажите мне, Хендриксон, почему вы так быстро согласились работать против советской России?

Хендриксон откладывает на тарелку недоеденный бутерброд и садится на табуретку, понимая, что передышка закончена.

— Что вы подразумеваете под работой, гражданин следователь?

— Ну же, Хендриксон, не надо так официально. Досдайте свой бутерброд. Эх, мне б такую колбасу на фронте, я бы им показал, где Кузькина мать зимует! Страна голодает, а вы тут жируете. Я давеча заходил в магазин. В стране хлеб по карточкам, а тут два десятка сор-

тов колбасы в открытой продаже... Слышите, Хендриксон, два десятка! Вы в долгу перед страной, Хендриксон, в большом долгу. Вам многое прощается, но и спросят с вас по полной гвардейской норме. Дайте только срок!

Лейтенант пускает в потолок тугую струю дыма и мечтательно улыбается. Подсудимый не спеша доедает бутерброд. Следовательно, однако, не терпится продолжить допрос:

— Хендриксон, вы лично для меня не враг. Не хотите отвечать, не надо. Просто я никак понять не могу, откуда такая ненависть к нам?

— Я никогда не работал против советской России, но я всегда работал на пользу Эстонии. Другого объяснения у меня нет.

— Лукавите, Хендриксон. Вы же дали согласие работать на белогвардейщину, значит, работали против советской России.

— Видите ли, гражданин следователь, тогда в Петрограде я не верил в то, что большевики могут договориться с Эстонией. Кто бы мог подумать, что за такие смешные деньги правительство пойдет на мир с большевиками! Сначала я обрадовался возможности поехать домой. Потом мне стало интересно. До этого я никогда не встречал таких людей, как Йоффе, Поска, или Бирк. Наконец, я просто обрадовался возможности поехать в Африку, когда все это закончится.

Сцена 8. Юрьев, кафе, январь 1920 года.

В зале кафе несколько посетителей, по виду студенты. Обстановка самая демократическая. За одним из столиков в глубине зала двое мужчин – Алексей Васильевич и Хендриксон. Оба одеты в строгие черные костюмы и пьют пиво из высоких бокалов.

— Скажите, Вольдемар, вы не находите странным, когда в кафе приходят пить пиво? Почему не в трактир?

— Так это и есть трактир, только на местный манер. В Питере, наверное, нет ни пива, ни кофе?

— В Питере есть всё, но за деньги или за очень большие деньги. Военный коммунизм, по счастью, не отменяет настоящие деньги. Кто бы мне до войны сказал, что я буду в эстонском кафе смаковать пиво, ей Богу, не поверил бы.

— Это не пиво, а квас домашней выделки. Официально спиртное вне закона.

— Ладно, квас так квас. А как там наши дела?

— Переговоры в самом разгаре, и, честно говоря, я не ожидал такой прыти от эстонцев.

— Что так?

— Вы были правы, Алексей Васильевич, эстонцы требуют долю в золотом запасе империи. Йоффе настаивает на фиксированной сумме. Меньше чем на 88 миллионов рублей золотом эстонцы не согласны, а Йоффе дает только 12 миллионов.

— А что границы?

— Указания присылает министр иностранных дел после консультаций с британской военной миссией. Максимум эстонских притязаний — Ямбург и Псков, но большевики предлагают держаться ближе к линии фронта, то есть, согласны отдать Ивангород и Печоры вместе с Чудским и Псковским озерами. Подарок более чем шикарный.

— Сначала они получили от большевиков Нарву, теперь хотят Ямбург и Псков. Недурно, недурно. Что корпус?

— Северный корпус приговорен, вопрос только в цене.

— Вы уверены в этом, Вольдемар?

— Более чем, Алексей Васильевич. Именно за корпус предлагают Ямбург и Печоры, ценные бумаги, суда и подвижной состав. Официально на ремонт, неофициально в собственность.

— Подвижной состав?

— Именно так, паровозы и вагоны. Эстонцы почти согласились и требуют полтыщи паровозов и пять тысяч вагонов. Вчера выдвинули требование предоставить им концессии на вырубку и вывоз леса в десяти российских губерниях. А еще предлагают торговый коридор в Европу, в основном во Францию и Германию, частично в Британию.

— Вот как.

— Йоффе связывался с наркомом иностранных дел по прямому проводу. Нарком предложил снизить количество паровозов до ста и вагонов до трехсот штук. Концессии готовы предоставить, но только в пяти губерниях и не на Севере, а на Урале или даже в Сибири, там, где нет морских портов и железной дороги. Эстонцы же рассчитывают на порт Архангельска.

— Бог с ними с концессиями. Что будет с корпусом?

— Со дня на день корпус начнут разоружать под предлогом отправки частей в тыл на переформирование, но дальше Нарвы никого не пустят. Официально в Нарве и окрестностях будет объявлена эпидемия тифа и карантин. Приказ уже отдан.

— Что значит карантин?

— А то и значит, Алексей Васильевич, что всех без разбора — военных и гражданских загонят в тифозные бараки под охрану эстонских солдат. Кто выживет без медикаментов, тот и выживет, а кто нет, так нет.

Собеседник Хендриксона мрачнеет:

— Что значит гражданских?

— Гражданские — это беженцы из России и жители Нарвы, преимущественно русские. Их в Нарве скопилось больше десяти тысяч человек, и сотнями прибывают каждый день. Похоже, что слухи о мирных переговорах достигли многих ушей. Да, прибавьте сюда ещё и депортированных из Ревеля. С осени девятнадцатого года счет пошел на тысячи. Пока всех не выелят, не угомонятся.

— Что будет с офицерами?

— Для всех младших офицеров определен карантин. Никаких исключений.

— Кто будет охранять?

— Эстонские части, преимущественно из новобранцев. Эти наиболее свирепые. Молодые, пороку не нюхали, а выслужиться хочется. Говорят, что лютуют на карантинных пунктах дико, беспощадно. Могут обобрать до нитки, ссылаясь на таможенные правила, которых вообще-то нет, а могут и просто накостылять.

— Сколько у нас осталось времени?

— Нисколько. Я же говорю, начать могут со дня на день. Как только определятся с деньгами, так и начнут. Может быть три дня, может быть неделя, может быть две — кто знает?

— Спасибо, Вольдемар. Вот ваша Африка.

Мужчина постарше кладет на пустой стул пакет. Упаковочная бумага крест-накрест перетянута шнурком.

— Английские фунты, как и обещал. И дай вам Бог, Вольдемар, дай вам Бог!

— Спасибо, Алексей Васильевич, когда бы не мечта и не нужда, от вас ничего бы не принял.

— Что так?

— Эстонцы подарили большевикам головку голландского сыра и выкатили персонально для Йоффе французский коньяк. Оказывается, он большой любитель настоящего коньяка. Военных услали в баню, а Йоффе под хмельком, но твердой рукой прочертил на карте границу, от которой у Яна Поска едва припадок не случился. Предложение очень уж заманчивое! Скорее всего, эстонцы согласятся. Тем более что по случаю праздника Обрезания Господня заместитель Йоффе одаривал членов эстонской делегации и техперсонал настоящими брильянтами. Мне тоже достался камешек карата на три-четыре с пожеланием оборачиваться пошустрее.

— Простите, что делать пошустрее?

— Я же курьер, Алексей Васильевич. Курьеру положено оборачиваться пошустрее. Есть такая эстонская поговорка: без подарка волостной писарь зад не почешет. А я курьер — фигура! От меня время зависит! Никто не хочет ждать, даже эстонцы, хотя время работает на них. Так что «камушек» в моей коллекции уже третий. Если переговоры затянутся, то будут и ещё подарки.

— И что с вас потребовали взамен?

— А ничего! Никаких услуг и секретов, только скорость! Господа большевики торопятся, как на пожар. Особенно этот неприятный тип Гуковский.

Сцена 9. Юрьев, мирные переговоры, январь 1920 года.

Зала с большим овальным столом. Слева эстонская делегация, справа — большевики. В эстонской делегации преобладают выбритые затылки и чопорные визитки при белых рубашках, строгих жилетах и полосатых брюках. Выделяется армейской формой только начальник штаба главнокомандующего эстонской армией генерал Иван Генрихович Соотс. В российской делегации преобладают костюмы «тройка» темных тонов. В штатский костюм одет даже военный представитель Федор Костяев.

С эстонской стороны наиболее видные фигуры — словоохотливый, но сдержанный в проявлении эмоций глава делегации Иван Иванович Поска и молчаливый, надменный Майт Пююман. В российской делегации привлекает внимание интеллигентный Адольф Йоффе и его полная противоположность Исидор Гуковский. Невысокого роста, широкоплечий, рыжеволосый, бородатый, с гноящимися глазами и

шаркающей походкой сифилитика с большим стажем Гуковский вызывающе циничен. Время от времени протирает грязным платком глаза.

Заседание открывает Иван Поска.

— Господа! Прошу у вас минуту внимания. Военный представитель генерал Ян Соотс, согласно достигнутым вчера договоренностям подготовил проект соглашений по военным вопросам. Мы готовы предоставить российской стороне текст соглашения.

Гуковский, превозмогая боль в ногах, вскакивает с места. Опершись ладонью левой руки о стол, правой искусно жестикулирует, привлекая внимание к своим словам.

— Господин Поска, кажется, мы вчера ещё все обсудили. Какие такие проекты вы нам предлагаете сегодня? Это совершенно недопустимо! Это против правил, черт бы вас всех побрал!

— Успокойтесь, господин Гуковский. Все наши договоренности в силе, но требуется закрепить их официально.

Адольф Йоффе хмурится, но молчит, уступая право вести переговоры Гуковскому.

— Господин Поска, вы же понимаете, что это совершенно невозможно! Это черт знает что! Мы обо всем договорились еще вчера, а сегодня такой кунштюк! Какого черта!

— Но так требует протокол, господин Гуковский. Вы же хотите заставить нас исполнять то, что не закреплено в договоре. Что если мы вдруг откажемся?

— Я вас умоляю, Иван Иванович! Откажитесь, так и денег не получите! И англичане вам фигу с маслом, а не поставки дешевого продовольствия! Здесь же не бордель парижский, не мирная конференция! Здесь первое в мире государство пролетариата и крестьян, здесь не обманут! Двенадцать миллионов золотом, которые мы вам предлагаем, нужно ещё заработать. Заработать — это вам не бумажки подписывать, тут ручками надо потрудиться! Ручками, Иван Иванович!

Йоффе отворачивается, пряча гримасу недовольства. Генерал Соотс в недоумении. На лице надменного Пююмана отчетливо читается презрение. Поска упрямо продолжает настаивать на своем.

— Уважаемый господин Гуковский, не стоит пугать меня мирной конференцией в Париже. Мы уже там были. Именно потому, что мы там уже были, эстонская сторона твердо намерена выполнять взятые на себя обязательства, в том числе по всем военным вопросам, включая разоружение русской Северо-западной армии. Идя на отдельные переговоры с вами, мы отдавали себе отчет в том, что фактически предаем своего союзника. Но, господа, ситуация складывается таким образом, что либо эстонская независимость сегодня, либо амери-

канский протекторат завтра. Вы же знаете, как решительно настроены Североамериканские штаты. К сожалению, мы слишком молодые для них европейцы.

Гуковский решительно возражает:

— Повторяю, Иван Иванович, здесь вам не Париж и не церковь, где вас непременно обманут! Цена вашей независимости — это беспрекословное исполнение всех, подчеркиваю, всех наших требований и договоренностей по Северо-западной армии. Мы платим золотом и хотим иметь не бумажки, которым грош цена в базарный день, а железные гарантии против повторения походов Юденича на Петроград. А иначе мы вас силой вернем в состав единой и неделимой России! Нынче мы сильны и можем себе это позволить. Напомните вам, какой ответ вы получили летом прошлого года от адмирала Колчака? И где теперь этот Колчак? А мы вот они, мы здесь! Мы диктуем условия, вы подчиняетесь!

— Господин Гуковский, еще раз прошу вас успокоиться. Все наши вчерашние договоренности по разоружению русской Северо-западной армии остаются в силе. Попробуйте понять и нас: мы просим лишь перенесения устных договоренностей на бумагу. В будущем это избавит нас, да и вас тоже от неприятностей. Прошу вас, взгляните, наконец, на проект соглашения.

Гуковский, вытирая платком глаза, наклоняется к Йюффе и шепчет ему на ухо:

— Решительно не понимаю, какая муха их укусила. Договорились же обо всем вчера.

— Исидор Эммануилович, эстонцы просто испугались. Одно дело независимость, другое дело истребление союзников. Боятся, что с них когда-нибудь за это спросят. Прошу вас, продолжайте переговоры. И не надо на них наседавать, действуйте настойчиво, но вежливо и в пределах протокола.

Гуковский прячет платок в нагрудный карман пиджака и обращается к Яну Поска:

— Вот что, Иван Иванович, я требую удалить из помещения всех лишних.

— Господин Гуковский, в этом нет необходимости. Мы сейчас подпишем соглашение, и его больше никто и никогда не увидит. Мы просто забудем о его существовании. Однако мы педантично выполним все взятые на себя обязательства. Верьте моему слову.

Йоффе, едва взглянув на предложенный документ, тянет Гуковского за рукав и шепчет ему на ухо:

— Угомонись, Исидор. Эстонцы хотят иметь номерное приложение к договору, а ты предложи им эти соглашения засекретить и в официальном протоколе не указывать, как будто их и вовсе нет. Они хотят снять с себя ответственность, хотят, чтобы кровь русской армии осталась на нашей совести, а не только у них на руках. Так что подписываем, Исидор, а там поглядим, кто кого надул.

Протерев глаза носовым платком, Гуковский внезапно объявляет:

— Мы согласны подписать ваши бумаги при условии, что они не будут внесены в официальный протокол переговоров и получат статус строго конфиденциальных, секретных то есть.

За маленьким столиком у камина документы подписывают сначала Поска и генерал Соотс, затем Йоффе и Гуковский. Воспользовавшись легким замешательством в зале, Гуковский незаметно комкает подписанное соглашение и бросает его в пылающий камин. Перехватив недоуменный взгляд Соотса, Гуковский указывает глазами на огонь:

— С нашей стороны формальности соблюдены. Очередь за вами, господин генерал.

Соотс опускает папку под стол и рвет вынутое из нее секретное соглашение. Гуковский, потряхивая в горсти «камушки», довольно улыбается. Наигравшись камешками, прячет их в карман и обращается к генералу Соотсу:

— Я что-то подзабыл, господин генерал: у вас юбилей в феврале или в марте?

— В марте, господин Гуковский. Я надеюсь встретить его дома с семьей и в кругу друзей.

— Кажется, у меня есть для вас подарок. Напомните мне потом, если я вдруг забуду.

Сцена 10. Комната для допросов в Батарейной тюрьме.

Раннее утро. Подследственный Хендриксон жмуриться от яркого солнечного света. В контрольном освещении виден только силуэт следователя.

— Что, Хендриксон, нравится без «намордника»? Глаза привыкнут, увидите и небо, и море, и даже порт. «Намордник» я приказал снять на время, чтобы видна была смена дня и ночи. Ну, что ж, продолжим, если нет возражений.

Шуршат перекладываемые на столе бумаги.

— Итак, Хендриксон, вместо Африки вы поехали в Финляндию. Как это прикажете понимать?

— Так получилось.

— Что значит «так получилось»?

— А то и значит, гражданин следователь. Как ветеран войны я получил немного земли. Деньги потратил на коневодство. Через два года я понял, что разорение неминуемо. Хутор продал вместе с табуном и купил небольшой трактир в Юрьеве. Но ресторатора из меня не получилось. Ресторан без спиртного не приносил дохода. Пришлось покупать контрабанду. Спирт из Финляндии мне привозили канистрами. Смотря по обстоятельствам, я делал из него водку или шнапс.

— Как это шнапс?

— Ну, шнапс — это громко сказано. Настаивал спиртовой раствор на горчичном зерне до получения легкого золотистого оттенка. Эстонцы народ неприхотливый: раз на водку или самогон не похоже, значит, шнапс. Когда попался и запахло тюрьмой, бежал в Финляндию. Там открыл парикмахерскую для военных.

— Для военных?

— Извините, гражданин следователь. Уточняю, что рядом был гарнизон, и это гарантировало стабильный доход от военных.

— Скажите откровенно, Хендриксон, вы же работали в Финляндии на разведку. Вот и уточните на какую — эстонскую или немецкую.

— Мне незачем было шпионить за финнами. Поймите, гражданин следователь, для Эстонии это была дружественная страна. Эстонцы не выжили бы без финского спирта. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что немцам в те годы было не до Финляндии.

Хендриксон замолкает и равнодушно смотрит в окно на море. Следователь раскуривает папиросу и сворачивает из бумаги кулёчек для пепла. После паузы как бы рассуждает вслух:

— В Юрьеве вы работали против эстонцев, так что в Финляндию вы бежали, опасаясь разоблачения. Там вас и взяла на прихват финская разведка. Это один вариант. Вариант номер два в развитие варианта номер один. Белогвардейская разведка оставила вас в наследство немцам. Какое-то время им действительно было не до вас, однако немецкие интересы в Прибалтике никто не отменял. По возвращении

из Африки вас активизировали, и некоторое время вы снова работали против Эстонии. В тридцать девятом или в сороковом году вас переориентировали на работу против СССР. Хватит или продолжать?

— Это как вам будет угодно, гражданин следователь.

— Хорошо продолжу. Вариант номер три. В Африке вас вербуют итальянцы или англичане. Англичане предпочтительнее, у них больше денег и в Прибалтике есть свои интересы. Таким образом, в Эстонии вы работаете не только на финнов и немцев, но и на англичан уже как тройной агент. Ну, как вам такой расклад?

— А никак, гражданин следователь. Бумага все стерпит.

— Ну, это вы зря, Хендриксон. Была бы возможность, мы бы вам еще японскую разведку пристегнули до кучи.

— Зачем же дело встало?

— Японцы в вашем деле будут смотреться коряво, а мне нужно чистое дело. Война закончилась, боевые ордена больше не раздают, пора заняться служебной карьерой. Судите сами, ну, не до пенсии же мне самому сидеть в этой эстонской тюрьме? Я хочу кабинет в Москве, секретаршу, адъютанта, персональную автомашину, госдачу и все, что к этому прилагается. И вы, Хендриксон, мне в этом поможете.

Подследственный усмехается:

— Интересно как? В чём я еще должен признаться?

— Во-первых, немцы. Ваша работа на немцев будет выглядеть естественно. Немец для эстонца природный хозяин. Тут в вашей искренности никто не усомнится. Тем более известные обстоятельства, война, оккупация. С белофиннами тоже понятно. И с англичанами мы разберемся. Вы же сами признались в том, что англофил и дефетист. Легенду подработаем, поди, не в первый раз замужем!

— Что если я работал еще и на эстонскую разведку?

— Мой дорогой Хендриксон, полезная инициатива приветствуется. Для вас она неизбежно наказуема, а мне запишется в плюс. Ну, и где вас прихватили эстонцы? В тартуской тюрьме?

— А как вам такой вариант, гражданин следователь, я работал на вас, то есть не на вас лично, а на советскую разведку?

— Не надо так шутить, я ведь могу обидеться и осложнить вам такой короткий остаток жизни.

Следователь пытается выглядеть устрашающе, но это у него плохо получается. С утра у него хорошее настроение. В допросной комнате светло, великолепный вид на Таллиннский залив, и дело шьет-ся, как по маслу. Остались мелочи, формальности.

— Вы невнимательны, Хендриксон, вы уже работаете на меня, причём успешно.

Следователь указательным пальцем правой руки показывает на левом погоне две звездочки.

— Поздравляю.

— Спасибо, дорогой друг! Мы ведь с вами друзья, а, Хендриксон?

— Мы даже не граждане одного государства, мы с вами классовые враги, гражданин следователь. Впрочем, это не мешает дружбе.

— Опять вы за старое! Зачем же портить такой чудесный день!

— Затем, что в Финляндию я поехал по заданию советской разведки

— Вы испортили такое чудесное утро, Хендриксон.

— Вы хотели показаний? Вот они: я поехал в Финляндию по заданию советской разведки. Открыл парикмахерскую рядом с гарнизоном в Куовале и летним лагерем в Ути. Завел связи с финскими офицерами. Ценной информации никакой, зато я быстро оказался на грани провала. Парикмахерскую продал и арендовал маленький кинематограф. Через две недели бежал через залив на аэроплане.

— А вы умеете быть редкостным занудой, Хендриксов. Давайте поступим так: все серьезные разговоры оставим на потом. Я уже распорядился, обед нам принесут из офицерской столовой. Но с вас Африка, не спеша и подробно.

Сцена 11. Тарту. Поезд. Дорога. Рига, вокзал, поезд.

— В Африку я прихватил своего знакомого по Тарту. Харальд Корро был хорошим парнем, талантливым ученым, но химия и минералогия в те годы не были в почете. В этом плане Эстония изучена вдоль и поперек, в геологическом плане никаких неожиданностей, никаких сюрпризов. Без работы Харальд начал спиваться, а тут Африка! Перспективы! В общем, сели мы в поезд, и наутро были уже в Риге. Оттуда двинулись на Варшаву...

Хендриксон и Корро сидят в купе друг напротив друга. Хендриксон, не отрываясь, смотрит в окно на унылый польский пейзаж. Мимо проносятся полустанки. Серое небо без просветов нависло над

полями и рощами. Потоки воздуха размазывают по стеклу мелкие капли дождя. Нильс пьян, ему хочется поговорить, излить душу, растормошить попутчика.

— Вольдемар, зачем ты меня сюда притащил? Сидел бы я сейчас в Тарту, в моём трактире и точно знал бы рюмка за рюмкой, что ждет меня впереди.

Хендриксон отвечает с неохотой, не глядя на Корро:

— А я еще в Тарту точно знал, что ждет тебя впереди — очередной запой. Радуйся, ты едешь в неизвестность. Я не могу обещать тебе копи царя Соломона, но приключения будут. Определенно будут. Они уже начались.

— На хрен мне твои приключения. Где они? Не вижу! А у меня душа болит. Вот здесь больно, очень больно, Вольдемар. Тебе не больно? Если ты не дашь мне выпить, то я больше с места не сойду. Ох, как мне больно! Облегчи мне душу! Здесь она!

Корро тычет указательным пальцем в грудь, потом в свою голову, потом в стекло, потом в голову Хендриксона.

— Ты чудовище, Вольдемар, чудовище! Ты сводишь меня с ума. Поговори со мной! Давай выпьем! Ты понимаешь, сволочь, как мне больно?

Сцена 12. Варшава, Маршалковская улица, «Русский дом».

Варшава. «Русский дом» на Маршалковской. Уютная гостиная. Мебель в стиле ампир. Глубокие кресла с высокими спинками вокруг низких круглых столиков. За столиками несколько мужчин. Пьют кофе, ведут тихие, неспешные разговоры. На пороге появляется писатель Михаил Арцыбашев с гостем:

— Прошу вас, господин Хендриксон. Мой любимый столик в углу.

Поблескивая стеклами пенсне, Арцыбашев, раскланиваясь направо и налево, ведет гостей к своему столику. Усаживаются. Арцыбашев садится лицом к залу:

— Простите, мой новый друг, дурацкая привычка. Мне так спокойнее, когда я вижу весь зал. Ну-тес, и какое у вас ко мне дело? Вы что-то говорили про рекомендательные письма? Вы из Эстонии? Как там? Картофель уродился? Не голодаете?

— Михаил Петрович, видимо я неточно выразился: у меня нет рекомендательных писем, но есть к вам поручение.

— От кого, если не секрет? От эстонского правительства? От союза писателей? Собираются «Санина» на чухонский переводить? Ох, не смешите меня, юноша, нынче есть вещи и позабористее в смысле порнографии!

Арцыбашев посмеивается, прикрывая рот рукой. Отсмеявшись собственной шутке, протирает пальцами пенсне.

— Нет, Михаил Петрович, должен вас огорчить: переводить вас не собираются. У меня к вам поручение другого рода. Вот письмо и пакет от поэта Игоря-Северянина. Он теперь живёт в Тойла, это на берегу моря, однако бывает и в Тарту, в основном так, а иногда и с концертами.

Хендриксон протягивает Арцыбашеву лист бумаги без конверта и кладет на стол небольшой сверток. Арцыбашев водружает пенсне на нос и читает письмо.

— Ага, значит все заграничные знакомые — сволочи, кроме, разумеется, меня. Интересно, интересно другим он и про меня так пишет?..

Закончив читать, Арцыбашев спрашивает:

— Ну-тес, и где пакет? Ага! Посмотрим, посмотрим!

В свертке оказывается небольшая рукописная книжица в самодельном переплете. Арцыбашев показывает Хендриксону рукопись.

— Знаете, что это такое? Не знаете, так я вам скажу: это последнее гениальное произведение Игоря-Северянина. Роман в стихах «Рояль Леандра». Изложено пушкинской строфой. Так вот прямо и указано:

Не из задора, не для славы
Пишу онегинской строфой
Непритязательные главы,
Где дух поэзии живой.

Любопытно, любопытно. Игорь просит опубликовать это в моей газете «За Свободу!» Позвольте мне пролистать рукопись по диагонали. Я кофе не пью, врачебный запрет, знаете ли. Так что нам сейчас принесут чай с лимоном. Вы пока пейте чай, а я поинтересуюсь «Леандром».

Арцыбашев углубляется в чтение. Хендриксон в ожидании чая разглядывает публику. В основном это русские иммигранты, литераторы, журналисты. Молодежи мало, дам и вовсе нет. Приносят чай. Внезапно Арцыбашев встает и обращается к публике.

— Господа, прошу тишины и минуту внимания! У меня тут новый роман в стихах Игоря-Северянина. Только что доставили из Эстонии. Есть любопытные наблюдения из той еще жизни. Вот, к примеру, о господине Вертинском:

Уже стоический упадник,
Наркозя трезвое перо,
Слагает песенки Пьеро,
Где эпилепсии рассадник.

Публика хохочет, поощряя Арцыбашева декламировать дальше.

— А вот господин Северянин рифмует Буренина с Есениным:

Все импотентнее Буренин,
С пера его течет вода,
И, сопли утерев, Есенин
Уже созрел пасти стада.

Публика хохочет. Кто-то громко осведомляется:

— Михаил Петрович, кажется, вы нам роман обещали, а это куплеты какие-то!

— Так что есть, то и читаю. Дмитрий Владимирович, вы здесь? Кто видел Философова? Тут есть кое-что о Мережковских. Философову должно быть любопытно:

У Мережковских в будуаре
На Сергиевской ярый спор
О Божестве и о бездари,
Несущейся во весь опор.

А вот и несколько строк о вашем покорном слуге:

Как некогда царя Сусанин,
Спасает тело юный Санин
От слишком духовитых душ,
В ком вовсе нет души к тому ж.

Арцыбашев картинно раскланивается, посылая в публику воздушные поцелуи.

— Остальное, господа, прочтете в моей газете «За Свободу!»

Сцена 13. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

Сидя на табурете, шурясь от яркого света, Хендриксон рассказывает о Польше. Следователь курит. Клубы папиросного дыма в солнечном свете складываются в причудливые узоры.

— Остановитесь, Хендриксон. Польша подождет.

— Как прикажете, гражданин следователь, как прикажете.

— У меня из головы не идет ваше заявление о работе на нашу разведку.

Следователь встает и, подойдя к окну, долго смотрит сквозь решетку на залив.

— Хендриксон, скажите мне, что это была шутка.

— Отнюдь, гражданин следователь. Я предложил свои услуги советской разведке еще в 1923 году в Таллинне и получил задание, собрать оперативные сведения о состоянии частей финской армии. Парикмахерская в гарнизоне была отличным прикрытием, но финны подозревали всех эстонцев. Я не был исключением.

— А связь, Хендриксон, связь? Без связи...

Следователь запнулся, не находя подходящих слов, чтобы закончить свою мысль.

— Связь была. Мне присвоили оперативный псевдоним «Линда». Я успел послать донесение на главпочтамт в Хельсинки, получатель «Берта» Потом получил свой первый гонорар в двадцать британских фунтов.

— И я могу записать это в протокол?

— Да, разумеется, можете.

— А вы понимаете, что...

— Понимаю, гражданин следователь, но теперь мне уже все равно. Я полагаюсь на ваше слово.

— Ладно, Хендриксон. Так что там было в Польше?

— Из Варшавы мы пешком отправились в Лодзь, оттуда намеревались идти во Вроцлав, как настоящие глобтроттеры...

— Почему пешком и кто такие глобтроттеры? Военная организация? Секта?

— Нет, не секта и не организация. Глобтроттерами называют туристов, совершающих в одиночку или небольшими группами длинные пешие путешествия. А пешком решили идти потому, что средств было маловато, только на еду и ночлег. Наконец, были еще две веские причины.

— Одна из них, как я понимаю, сбор разведывательной информации.

— Нет, гражданин следователь. Причина — это сбор материала для газетных статей. Все же я отправился, в путешествие, как репортер финской газеты «Helsingin Sanomat». Кстати, Корро имел рекомендательные письма от эстонской газеты «Waba Maa». Когда польские журналисты узнавали, что мы пешком идем из Эстонии в Африку, всегда находился кто-нибудь, готовый нам помочь. Кто деньгами, кто рекомендательными письмами, кто обедом, кто просто полезным советом.

— А вторая причина?

— Вторая причина это минералогия. Я не был уверен в том, что Корро рано или поздно не сорвется в запой. Железнодорожная скупка располагает к пьянству, а пешие прогулки нет. У Корро в Африке был свой интерес, у меня — свой. Вы же помните, что от газетных гонимых я сразу отказался. Я был твердо уверен в том, что специалист в горном деле в Африке никогда не останется без работы. Конечно, я мог бы завербоваться наемником или военспецом, там, кстати, есть спрос и на то, и на другое, но мне хотелось зарабатывать на жизнь мирным способом. Познания в минералогии, пусть даже поверхностные были моей дополнительной страховкой.

— Постойте, Хендриксон, в вашей анкете указано, что вы горный инженер и даже что-то там закончили в Германии.

Следователь плюёт в бумажный кулечек. Кулечек с плевком и окурком папиросы летит в угол комнаты.

— С двадцать шестого по тридцать шестой год я безвылазно сидел в Африке, в Абиссинии. Я зарабатывал деньги и положение в обществе. Мне некогда было учиться в Германии. Диплом горного инженера я просто купил, когда представилась возможность устроиться на работу в «Голд майнинг».

— «Голд майнинг»?

— Это крупная британская золотодобывающая компания. У нее есть отделения по всему миру.

— Как вы могли работать инженером без образования!

— Я много читал, а образование... Что образование! Образование я получил, шагая с Нильсом по бесконечным польским дорогам...

Сцена 14. Проселочная дорога где-то между Варшавой и Лодзью.

Бабье лето. Поля вдоль дороги убраны. Изредка встречаются местные жители, кто пешком, кто на телегах. На обочине двое мужчин, одетых не по сельской моде в одинаковые светлые костюмы-тройки без галстуков и кепки по польской моде. В руках одинаковые фибровые чемоданчики.

Корро прикуривает сигарету и, сдвинув кепку на затылок, спрашивает Хендриксона:

— Обед у нас сегодня будет или как?

— Будет, если найдем постоянный двор до захода солнца.

— Знаешь, Вольдемар, впредь я отказываюсь ночевать в стогу. Это, конечно, романтично, но прохладному туману на рассвете я предпочитаю теплую постель и простыни.

— Не зарекайся, Харальд. Одно могу тебе обещать точно: с каждым нашим шагом на юг будет становиться теплее. Пусть это утешает тебя. Пойдем, парень, хочу послушать продолжение твоей лекции. Итак, что такое шлих.

— Пошел ты к черту, Вольдемар. Зачем ты вообще сманил меня за собой? Компанию тебе составить или лекции читать по минералогии?

— Если бы я оставил тебя в Тарту, твой проспиртованный насквозь труп уже свезли бы в холодильник «Театрум анатомикум» изучать со студентами твои гениальные мозги. Давай, давай, парень, не ленись, до захода солнца еще далеко.

— Черт с тобой, Вольдемар. Я бы не стал с тобой возиться, если бы не твои потрясающие способности к обучению. Слушай меня, во всяком деле важна терминология. Если ты адвокат, то должен говорить, как адвокат, если ты врач, говори как врач. Если ты военный, веди себя и говори, как военный. Хочешь выглядеть, как ученый, должен знать научную терминологию. Чтобы успешно притворяться, глубокие знания не нужны. Ты можешь иметь или не иметь диплом, но без соответствующей научной или профессиональной терминологии ты просто русский валенок. На чем мы там остановились?

— Шлих. Ты начал объяснять мне, что такое шлих.

— Немецкий термин Schlich обозначает твердый и тяжелый осадок, выпадающий при промывке рыхлых отложений. Представь себе лоток старателя. Он берет породу из раскопа или донные отложения из ручья и начинает промывать их проточной водой. Легкие фракции быстро вымываются, на дне остается das Schlich.

— Шлих это что-то конкретное?

— Можно и так сказать. Schlich — это осадок из тяжелых и химически стойких минералов. Это может быть золотой песок, платиновые или золотые самородки, даже алмазы. Кстати, как обозначается платина?

— Латинскими буквами «Pt», золото — буквами «Au». Алмаз — это углерод, в необработанной форме отдаленно похож на капли стекла или сколы горного хрусталя.

— Запоминай, Вольдемар. Золотой песок или самородок спутать практически невозможно. Платиновые самородки на вид невзрачные, грязного серого цвета, похожего на цвет свинца. Разница в том, что самородный свинец в природе не встречается. Опять же плотность платинового самородка со свинцом не сравнить. Свинец мягкий, платина твердая. В Германии разработан новейший способ выделения металлической платины из концентрата платиновых металлов. Концентрат растворяют в царской водке. Что такое царская водка?

— Смесь серной и соляной кислот.

— Ужасно, Вольдемар! Царская водка — это смесь концентрированной азотной и соляной кислот в соотношении один к трем. Имеет резкий запах хлора. Смесь растворяет большинство металлов, включая золото. На вид это жидкость желтого цвета, похожая на мочу. Кстати, мне надо справить малую нужду.

Нильс останавливается на обочине, опустив чемоданчик на землю, расстегивает ширинку на брюках. Справив нужду не спеша, потягивается и мечтательно смотрит в небо.

— Знаешь, Вольдемар, а я бы сейчас не отказался от твоего шнапса на горчичном зерне. Помнишь, у тебя была повариха с господской мызы? Ах, как чудесно она готовила Schnell Klops с тушеной капустой! А как пах ее Sibula Klops! Ты помнишь ли, как восхитительно пах Sibula Klops?

Вольдемар кивает головой.

— Ни черта ты не помнишь, Вольдемар. Тебя интересовали только деньги. С тобой даже выпить нельзя было спокойно. Вечно в делах! Ты даже не знаешь, как пахло под юбкой у твоей поварихи, господин репортер «Helsingin Sanomat»!

— Я эти запахи вспоминал два месяца, сидя в тартуской тюрьме. Как принесут баланду, так я сразу повариху и вспоминаю.

— Дурак ты, Вольдемар! Нет в тебе вкуса к жизни. Интерес есть, а вкуса нет! Ладно, учись дальше. Минералы, содержащие платину, немцы растворяют сначала в царской водке, потом добавляют эта-

нол и сахарный сироп. Знаешь для чего сироп? Для удаления избытков азотной кислоты.

Внезапно Нильс умолкает. Хендриксон поощряет его продолжить лекцию:

— А как дальше идет процесс очистки?

— А никак! Дальше я жрать хочу, пить хочу и спать хочу с какой-нибудь пахучей поварихой. Если в течение часа я не получу харчи, шнапс и повариху, то завтра я поворачиваю оглобли домой!

Сцена 15. Словакия, Высокие Татры.

Имение польского графа Анджея Прилуцкого. Граф, не молодой уже человек, улыбочивый, гостеприимный, в хорошей физической форме. Одет в белую рубаху с открытым воротом и коротким рукавом, светлые брюки под ремнем, на ногах белые тенниски.

Балкон особняка. Граф с бокалом белого вина в руке делает широкий жест:

— Прошу вас, господа, отсюда открывается прекрасный вид на *Vysne Ruzbachy*. Только представьте себе, шестьсот двадцать три метра над уровнем моря! Уверен, ничего подобного в своей Финляндии вы никогда не видели и никогда не увидите.

Хендриксон и Корро подходят к перилам балкона, любуются деревенькой на склоне холма. Граф продолжает:

— Деревне уже семьсот лет, ее первоначальное древнегерманское название *Rauschenbach*. История этой деревни и курорта отличная тема для вашей статьи. Холодные скандинавы захотят приехать сюда погреться. Правее деревни хорошо заметно небольшое облачко пара. Это выход горячего минерального источника *Isabella*. Ниже бассейн, именуемый *Krater*. Двести лет, как польские дворяне ездят сюда лечиться.

Корро, не найдя куда поставить пустой бокал, пристраивает его на перилах балкона. Ему хочется удовлетворить свое научное любопытство:

— Простите, граф, мне мое невежество, а кто были ваши предки?

— Древний шляхетский род. Наша семья в родстве с самими Чарторыйскими! Здесь мы оказались потому, что мой дед пытался интриговать против русского правительства. Перед царем он играл роль защитника порядка, а за его спиной устраивал пиршества для крестьян

и простолюдинов, завоевывая у них авторитет и популярность. После поражения восстания шестьдесят третьего года дед благоразумно бежал сюда. Здесь закончились интриги, и начался новый этап в истории рода. Еще вина? Прошу вас, не стесняйтесь. В погребе полно прекрасных венгерских вин, и вы меня обяжете их дегустацией. Вино не существует единственно для того, чтобы им любовались в закупоренной бутылке. Вино любит бокал и компанию, а вы, я вижу, знаете толк в вине!

— Благодарю вас, граф. Но сдаётся мне, кто бы, ни были ваши предки, их сюда привлекало золото, а не минеральные воды.

— Вы странные люди, господа газетчики. Подобно грабителям вы интересуетесь только золотом. Представьте себе, что я извлекаю золото из минеральной воды.

Пораженный Корро восклицает:

— Это невозможно!

— Уверяю вас, в Татрах возможно всё! У меня есть собственный философский камень, из которого я построил новый бассейн и превратил Ruzbachu в модный чешский курорт. Горячие источники приносят мне стабильный годовой доход, который я превращаю в золото.

Корро хохочет:

— И не уговаривайте меня, граф! У вас в гостях я не буду пить воду, пусть даже и золотую!

— И не пейте, — улыбается граф. — Если вам так не нравятся наши бассейны с минеральной водой, то я приглашаю вас посетить мои винные погреба!

Граф делает широкий приглашающий жест:

— Прошу вас, господа! О моих погребах и минеральных источниках вы можете рассказать вашим читателям в Финляндии. Кстати, Финляндия — это очень холодно?

— Вопрос не ко мне, — голос Корро дрожит от возбуждения, — я лично в этой проклятой Финляндии никогда не был, особенно зимой. Кстати, граф, что у вас обыкновенно пьют зимой, неужели вино?

Хозяин останавливается, пропуская гостей к дверям погреба.

— Боюсь, я разочарую ваших читателей. Я поклонник шлизовицы и киршвассера. Вот мы и пришли. Прошу вас осторожнее: здесь ровно пять ступенек. Сейчас я включу свет.

Сводчатый коридор уходит в темноту. По обе стороны угадываются стеллажи с бутылками. Щелкает выключатель, вспыхивает цепочка неярких лампочек, обозначая внушительную длину коридора.

— Мои погребка к вашим услугам, господа журналисты!

Корро в восторге щелкает пальцами:

— Граф! Я в совершеннейшем восторге! Это грандиозно!

Хозяин с легким полупоклоном вручает гостям бокалы и собственноручно откупоривает бутылку вина.

— Прошлый год для лозы был просто ужасным. Однако издревле подмечено, что в самые засушливые годы вино получается отменным. Загадка виноделия, господа!

Корро в три глотка осушает бокал с белым вином:

— На мой северный вкус могло бы быть и послаще, но вкус искупается количеством его носителя. Ваше сиятельство, как у нас говорить, отчий хутор не выбирают. Это я в том смысле, что мне уже не родиться в ваших погребах, но я вполне могу закончить свои дни в их тишине, изобилии и прохладе. Кстати, я кое-что понимаю в минералогии и могу обследовать старые шахты. Надеюсь, у вас еще остались шахты?

Вместо ответа хозяин протягивает бутылку вина.

Сцена 16. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

Солнце садится за корпусами Батарейной тюрьмы. Чайки, громко крича, вьются над причалом у коптильного цеха. Птичий гомон хорошо слышно в камере. Следователь застыл у окна. На лице мечтательное выражение. Руки сцеплены за спиной, в пальцах застряла дужка очков. Арестант, не прекращая рассказа, вытянув ноги, массирует колени.

— Граф Прилуцкий оказался хлебосольным хозяином и веселым собутыльником. Харальду у него очень понравилось, а мне нет. Компаньон увяз в винном погребе, а на носу холода и дожди вот-вот начнутся. Сами понимаете, не лучшее время для пеших прогулок. В общем, я уговорил графа отпустить нас, и мы отправились в Венгрию.

— Что опять пешком?

— Опять пешком, но уже с деньгами и рекомендациями в Будапеште.

Лейтенант поворачивается лицом к подследственному. Очки возвращаются на переносицу. Мечтательное выражение на лице сменяется на служебное.

— Как я понимаю, рекомендации вы получили к деятелям белой эмиграции?

— Вы намекаете на генерала Деникена?

— И его окружение также. Подробно расскажите следствию о своих связях с белой эмиграцией в Венгрии.

Сумерки в допросной сгущаются. Следователь идет к дверям. Включает свет и возвращается к столу. Не торопясь, сворачивает бумажный кулечек, достает из портсигара папиросу.

— Ну, так что там у вас за шашни с белой гвардией? И не врать! Проверю! Малейшая ложь, и в карцер!

В голосе следователя больше иронии, чем напускной строгости. Он прикуривает папиросу и пускает тугую струю дыма в потолок. На несколько мгновений лампу обволакивает дым. Арестант поджимает ноги.

— Я думал, гражданин следователь, что мы с вами договорились: я вам правду, а вы мне бессмертие.

Вместо ответа следователь указывает глазами на дверь. Стукнув кулаком по столу, орет:

— Не врать, я сказал! Кровью харкать будешь, сволочь! Дерьмом умоешься, гад!

В наступившей за криком тишине слышно, как в коридоре за дверью скрипнула половица.

— Конечно, мне как журналисту было бы любопытно встретиться с генералом Деникиным, но я опоздал. Когда мы добрались до Будапешта, его уже не было в Венгрии. Разумеется, я прочел его знаменитые «Очерки русской смуты», но гораздо позже. Должен вам заметить, что русскую эмиграцию, особенно бывших военных в Венгрии, не жаловали.

— И что было дальше после винных погребов графа?

— Мы двинулись пешком в Венгрию. И опять начались нудные лекции по минералогии. Знаете, что такое Schlamm, гражданин следователь? Нет? А это всего лишь мелкие фрагменты продукта, остающиеся при промывке. На самом деле это просто грязь.

Следователь плюет в бумажный кулечек с пеплом, гасит в нем докуренную папиросу, после чего кулечек летит в общую кучу.

— Хендриксон, в слово «грязь» вы вкладываете нечто большее или мне показалось?

— Показалось, гражданин следователь. Я имел в виду только Schlamm и ничего более.

Сцена 17. Венгрия. Резиденция адмирала Хорти.

По шоссе мчится открытый автомобиль FIAT 501. За рулем офицер. На заднем сиденье единственный пассажир, на его коленях желтый кожаный портфель, довольно тощий.

Придерживая шляпу рукой, Вольдемар Хендриксон наслаждается живописными видами венгерской провинции.

Внезапно открывается панорама, в центре которой возвышается величественный замок Гёдёллё. Через несколько минут шины FIAT'а шуршат по щебенке. Наметанный глаз Хендриксона отмечает военную выправку садовников. Автомобиль, описывая полукруг, останавливается правым бортом у крыльца. По ступеням легко сбегает молодой офицер. Он открывает дверцу автомобиля и откидывает переднее сиденье.

На верхней ступеньке Хендриксона встречает офицер постарше.

— Следуйте за мной. Постарайтесь не отставать и воздержитесь от вопросов.

Молодой офицер распахивает дверь, и Хендриксон оказывается в роскошном центральном зале. К залу примыкают две анфилады. Чтобы поспеть за провожатым, приходится пожертвовать деталями бело-золотого интерьерера.

Офицер по диагонали пересекает парадную приемную. В небольшом помещении за унылым казенным столом, резко контрастирующим с дворцовой роскошью, сидит дежурный офицер в парадной форме. Провожатый делает шаг в сторону, пропуская вперед гостя. Сухо докладывает:

— Господин Хендриксон, журналист из Финляндии.

— О-о! Господин Хендриксон! Позвольте взглянуть на ваши рекомендации.

Хендриксон вынимает из портфеля узкий конверт и передает его провожатому. Едва взглянув на содержимое конверта, офицер за столом делается любезен и словоохотлив:

— Мы очень рады, господин Хендриксон, что вы изыскали возможность заглянуть к нам. У нас практически нет никаких связей с Финляндией. Думаю, что у регента будет к вам масса вопросов. Кстати, не обращайтесь к нему как коронованной особе. Обращайтесь к нему «Ваше Высокопревосходительство». Разумеется, это против всех правил этикета и протокола, но вы, вероятно, уже наслышаны о его скромности. Вам обязательно предложат выпить. Не отказывайтесь, ссылаясь на работу, неподходящее время дня или запреты докторов. Рекомендую выбрать палинку, но хвалите ее не слишком усердно. Лучше попросите повторить, что-нибудь на хозяйский вкус. Регент не пьет, но любит угощать гостей. Скажу вам по секрету, это что-то вроде последней проверки. В вашем распоряжении тридцать минут. Если потом вам предложат пройтись по парку, не надо отказываться. Соглашайтесь с достоинством. У вас еще три минуты до начала аудиенции. Сейчас я доложу адъютанту.

Дежурный офицер снимает с одного из телефонных аппаратов трубку:

— Журналист Хендриксон из Финляндии, да-да из Финляндии! Именно так, из Финляндии!

И, прикрыв микрофон рукой, отдает приказание провожатому:

— Проводите господина Хендриксона в салон.

Дежурный в сердцах бросает трубку на аппарат:

— Откуда мне знать, где эта чертова Финляндия!

Сцена 18. Венгрия. Интервью с адмиралом Хорти.

Салон в одном из дворцовых покоев.

Хозяин в адмиральском мундире, но с минимумом регалий. Волосы гладко зачесаны назад, обнажая наметившиеся височные залысины. Крупный нос слегка нависает над выдающейся вперед верхней губой. Узкие губы, вытянутые в линию, выдают властную натуру. Линия губ контрастирует с впалыми щеками и печальными глазами.

Адмирал сидит в кресле лицом к дверям так, что застывший адъютант имеет возможность мгновенно отреагировать на любое движение хозяина. Кажется, что прямая адмиральская спина составляет единое целое со спинкой кресла. Кисть правой руки свободно свисает с подлокотника. Триумвират большого, указательного и среднего паль-

цев левой руки упирается в подлокотник, и это единственная деталь, которая выдает волнение адмирала.

— Простите, господин Хендриксон, у меня нет опыта общения с прессой. У нас, знаете ли, это не принято. Империя не оставила нам такой традиции. Что ж, я к вашим услугам. Задавайте ваши вопросы.

— Ваше Высокопревосходительство...

Обращение «Ваше высокопревосходительство» заставляет адмирала слегка поморщиться.

— Я вижу, что вы, господин Хендриксон, человек военный, по крайней мере, в недавнем прошлом. Вам будет удобно обращаться ко мне, используя воинское звание?

Хендриксон, устроившийся на диване по правую руку от хозяина, кивает головой в знак согласия.

— Вот и отлично, прошу вас!

— Господин адмирал, вы позволите мне сделать во время беседы ваш портрет. О-о! Ничего особенного — карандашные наброски с натуры специально для читателей газеты.

— Не возражаю.

Хендриксон достает из портфеля блокнот и несколько карандашей.

— Пусть вас это не смущает. Я буду делать наброски и одновременно делать записи на полях.

— Господин Хендриксон, — адмирал делает над собой усилие, — могу я спросить, чем вызвано внимание вашей газеты к моей скромной персоне?

— Все очень просто, — Хендриксон делает несколько штрихов в блокноте, — это мой личный интерес и мое личное внимание. Я решаю, что интересно моим читателям, а что нет.

— Вот как, — адмирал в недоумении, — а как же рекомендательные письма от графа Прилуцкого?

— Это мой способ добраться до Африки. Читатели в Финляндии получают интересные материалы, а я путешествую в свое удовольствие. Скажу вам больше: газета не платит мне ни гроша.

— Вы не похожи на авантюриста, господин Хендриксон. Где вы служили?

— Сначала в российской армии, потом в эстонской, но не долго. Пару месяцев состоял в должности дикпурьера. Был конезаводчиком, ресторатором и даже контрабандистом. Сбывал в Эстонии

контрабандный спирт из Финляндии. А теперь решил стать глобтроттером. Это мой способ бороться со скукой, господин адмирал.

— Позвольте, я предложу вам что-нибудь выпить. Господин Хендриксон, что вы предпочитаете в это время дня?

— Господин адмирал, пусть это будет палинка на ваш вкус.

Адъютант ставит на стол хрустальный графин на подносе и одну высокую рюмку.

— Прошу вас, господин Хендриксон, без церемоний.

Хендриксон откладывает блокнот на диван и наполняет рюмку.

— О-о! Весьма достойный продукт.

— Это абрикосовая палинка из Кечкемета. Наливайте еще, не стесняйтесь. Кстати, господин Хендриксон, вы упомянули о дипломатической службе.

— Ничего особенного, господин адмирал, я заведовал дипломатической почтой в Юрьеве во время переговоров с российскими большевиками о мире.

— Наслышан, наслышан. Мне докладывали, что в качестве международного наблюдателя в Юрьеве присутствовал венгерский большевик Бела Кун.

— Вынужден вас огорчить, господин адмирал, вас неправильно информировали. Я не встречал его в Юрьеве. По слухам из России, весной двадцатого года Бела Кун устроил резню в Крыму. Вместе с Розалией Залкинд он завалил полуостров трупами солдат и офицеров русской армии. Чужих, господин адмирал, убивать легко, а некоторым это еще и приятно.

— Этого могло бы не произойти, если мы не упустили его в девятнадцатом году. Впрочем, легко нашелся бы кто-нибудь другой, не менее жестокий и не менее кровожадный.

— Кажется этот Кун венгерский еврей? Господин адмирал, простите мне любопытство: в Европе ходят слухи о вашей, как бы это помягче выразиться, нелюбви к евреям.

— Вы правы: в старой Европе вообще не любят евреев. За неурожай или чумное поветрие традиционно несут ответственность евреи. В социалистическом правительстве единственным неевреем был Шандор Габраи. Про него говорили, что в правительство его взяли, чтобы было кому смертные приговоры подписывать по субботам. Злая шутка... А любовь или нелюбовь — это философские понятия. В моем положении, господин Хендриксон, я не могу себе позволить кого-то любить или не любить. Я признаю несомненную пользу, которую

евреи приносят Венгрии, и не требуйте от регента большего. Венгрия, в первую очередь, это венгры и только потом евреи и словаки.

— Так это и есть та главная причина, по которой в Европе вас называют диктатором?

— Чепуха! Впрочем, если они хотят видеть во мне диктатора, то я — диктатор. Диктатура не дает государству расслабляться, в то время как демократия ослабляет государство. Европа беременна новой войной. Это единственная причина, по которой диктатура в современной Европе предпочтительнее демократии.

— За пределами Венгрии пресса смеется над вашим адмиральским чином. Адмирал без моря — нескончаемый предмет для насмешек.

— Вам понравилась палинка? — Заметно, что регент пытается выиграть время для ответа. — Прошу вас, господин Хендриксон, не стесняйтесь.

Гость подчиняется. Откладывает блокнот и карандаш, берет-ся за графин с палинкой.

— Боюсь, мои соплеменники в Эстонии не оценят этого венгерского изыска. Им привычнее грубая русская водка или немецкий шнапс.

— Простите за нескромный вопрос, господин Хендриксон, вы финн или эстонец?

— Оба народа родственны между собой и, разумеется, родственны венграм. Я эстонец, но работаю на финскую газету «Helsinkin Sanomat», вернее это финская газета работает на меня.

— Теперь понятно. Что касается моего адмиральского чина, то я заслужил его честно. Я закончил военно-морское училище в Фиуме. Служил на флоте империи, командовал военными кораблями. Я принимал участие в нескольких морских сражениях против итальянского и французского флотов на Ядрене, я одержал несколько побед. Весной пятнадцатого года был награжден Железным крестом. Император назначил меня командовать флотом и присвоил мне звание контр-адмирала.

— А как же море?

— Что море? Венгрию лишили моря, море у нас отняли! У меня можно отнять регентство, но мой адмиральский чин отнять невозможно. Адмирал Хорти — это живое напоминание о Великой Венгрии!

— Что в вашем понимании «Великая Венгрия»? Это империя?

— Возможно, мой ответ огорчит вас, господин Хендриксон. Все просто: Великая Венгрия – это, прежде всего, великая история в исторических государственных границах. Лига наций оставила нам историю, но отняла у нас исконные земли. Мое искреннее желание вернуть Венгрии эти земли, вернуть Венгрии ее море.

— Вы имеете в виду договор от 4 июня 1920 года в Трианоне?

— Разумеется, господин Хендриксон. Именно в Версале в Трианоне Венгрия потеряла Трансильванию и восточную часть Баната, отданных Румынии. Югославии достались западная часть Баната, Хорватия и Бачка. Чехословакия получила Словакию и Закарпатскую Украину. Даже Австрия и та отняла у нас провинцию Бургенланд. Согласитесь, это несправедливо и, главное, нецелесообразно. Еще палинки?

— Благодарю вас, господин адмирал. Палинка — это сильное средство для успешной политики в Европе.

Регент улыбается одними губами, глаза остаются печальными:

— А вы шутник, господин Хендриксон. Среди моих знакомых вы первый глобтроттер, так что прошу вас быть теперь моим гостем. Кстати, я распоряжусь обеспечить вам проезд по стране за счет министерства иностранных дел. Гостиницы и расходы тоже будут оплачены. Считайте, что это мой личный подарок. Вижу, вы умеете принимать подарки с достоинством.

Регент улыбается. Пальцы правой руки весело постукивают по ножке кресла.

— Да, вы настоящий европеец, господин Хендриксон! Что ж, если вы уже закончили свой рисунок, то предлагаю вам небольшую прогулку по саду Элизабет. Палинку вам сервируют на воздухе.

Сцена 19. Замок Гёдёллэ, сад Элизабет.

Адмирал Хорти и Хендриксон спускаются в дворцовый парк. В десяти шагах позади следует адъютант. Среди садовников происходит еле уловимое движение.

— Позвольте, на правах хозяина я познакомлю вас с главной местной достопримечательностью. Это памятник королеве Элизабет. Неофициально эта часть парка посвящена ее памяти.

Мужчины останавливаются у памятника.

— Это была поистине великая королева! У нее не было врагов. В народе ее ласково звали Сиси. Это была святая королева. Она погибла уже в преклонном возрасте от руки анархиста, и даже погибла как святая. Вы не находите, господин Хендриксон, что провидение выбирает для мученической смерти наиболее достойных? Мерзавец может умереть мучительной смертью, но никогда мученической.

— Расскажите мне эту историю, господин адмирал, и ее узнают мои не слишком набожные читатели.

— Замок Гёдёллэ был свадебным подарком королеве Сиси от народа Венгрии. Здесь она была счастлива, здесь она купалась в любви и роскоши. Здесь прошла ее молодость, зрелость и здесь же наступила благородная старость. Но для подвига Господь избрал ей другое место — Женеву. Сиси часто говорила, что хотела бы умереть от маленькой ранки, подобной уколу стилета. И вот в субботу, 10 сентября 1898 года, королева с фрейлиной прогуливалась по набережной Женевского озера. На королеву неожиданно набросился молодой человек. В первый момент женщины подумали, что он просто хотел украсть сумочку. Освободившись, королева сделала несколько шагов и внезапно почувствовала слабость. Через несколько минут она уже не дышала. Когда Сиси расстегнули корсет, то под сердцем обнаружили крохотную треугольную ранку, как потом оказалось, от напильника.

— У преступников это называется заточка, господин адмирал.

— Да, именно так — заточка. Мерзавец оказался итальянским анархистом Луиджи Луккена.

— Монарх — вообще опасная профессия, особенно в Европе. Скажите, господин адмирал, вы ощущаете себя полноценным монархом?

— Слабый монарх опаснее для государства, чем анархисты и террористы. Разумеется, мне предлагали занять престол, но я отказался. Однако я сохранил монархию, как государственное устройство, потому что монархия менее опасна для государства, чем внезапная перемена государственного строя. Наконец, регентство дает мне больше возможностей, чем королевская власть.

— Вас пугает ответственность?

— Отнюдь. Власть — это не вопрос ответственности, власть — это вопрос возможностей. Когда у вас есть возможности, соответствующие целесообразности, господин Хендриксон, станете ли вы задумываться об ответственности? Совесть нельзя противопоставлять власти. Власть не отменяет совесть, как совесть не должна служить

препятствием для власти. Если хотите, это вопрос партнерства, подчиненного целесообразности.

— Цель оправдывает средства?

— Вы не угадали, господин Хендриксон. Вы знаете, что в юности я получил протестантское образование. Я крепко усвоил истину, что нет власти не от Бога. Когда Бог дает вам власть, то ждет от вас поступков, а не нравственных терзаний на тему можно или нельзя. Вы ответственны только перед Богом, который наделил вас властью. Перед Богом вы ответственны в большей мере не за то, что сделали, а за то, что могли сделать, но не сделали. Бог не только любовь и милосердие, Бог — это еще и жестокость. Разве не жестоко награждать невинное дитя горбом за грехи его родителей? Однако мы соглашаемся с тем, что горб это проявление неведомой нам целесообразности.

— Ваши катафатические убеждения, господин адмирал, как будто оправдывают вашу жестокость в отношении социалистов? Сколько семей вы разрушили? Скольких детей наградили горбами? Ваша совесть тоже подчинена целесообразности?

— Если вы имеете в виду евреев, господин Хендриксон, то ваш упрек не по адресу. Опасны не сами евреи, опасен еврейский социализм, как будто питающийся идеалами французской революции о равенстве и братстве. На деле социализм отравлен миазмами веками разлагающегося чувства национальной справедливости, если хотите, неудовлетворенной мести. Социализм находит свободу там, где ее нет и быть не может — в принуждении и осознанном добровольном подчинении большинства меньшинству. Именно меньшинству, а не монарху.

— Простите, господин адмирал, но вы не ответили на мой вопрос.

— Что ж, извольте. Всегда и везде миром правит меньшинство. Вопрос в том, каково оно это меньшинство. Ни один правитель не может править единолично, но он решает, как это следует делать. Я убежден в том, что социализм — это опасная болезнь, требующая радикальных методов лечения. Именно поэтому социалистический бунт был мной безжалостно подавлен. И не стоит спекулировать на количестве жертв. Сильная Венгрия — это прочный мир на Балканах. Венгрия, ослабленная еврейским социализмом, это война. Война — это неисчислимы жертвы, многократно превышающие целесообразность.

— Целесообразность?

— Целесообразность — это простая арифметика, если хотите, сложение и вычитание.

Адмирал Миклош Хорти испытующе смотрит на Вольдемара Хендриксона. Не дождавшись возражений, заключает:

— Политика — не есть искусство компромиссов. Компромисс — это вообще опасное заблуждение. Настоящая политика — это синоним целесообразности. Мир без целесообразности — это либо древний хаос, либо террор социалистов. Арифметика, знаете ли. Вы молоды, и у вас еще будет случай убедиться в моей правоте. А пока хорошенько напугайте ваших читателей брюзжанием старого адмирала.

Аудиенция закончена. Хорти резко поворачивается и уходит в глубину сада, сопровождаемый адъютантом.

Сцена 20. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

Сидя боком к столу и вытянув ноги, лейтенант внимательно рассматривает носки начищенных до блеска хромовых сапог. Арестант мается на табуретке.

— Гражданин следователь, могу я попросить воды?

Лейтенант молча продолжает рассматривать свои сапоги.

Воды!

Напоминает о себе арестант. Лейтенант отрывается от созерцания сапог.

— Потерпите, Хендриксон. Минут через десять мне принесут чай с бутербродами.

После паузы лейтенант продолжает:

— Оказывается, всё гораздо хуже, чем я предполагал. В обвинительное заключение придется вставить пункт о шпионаже в пользу фашистской Венгрии.

Арестант поджимает ноги под табуретку и прикрывает рот ладонью руки, словно пытаясь удержать себя от болтливости.

— Знакомство с фашистским диктатором Венгрии не пойдет вам на пользу, Хендриксон.

— Пугаете? У меня, гражданин следователь, и без Хорти расстрельная статья. А насчет адмирала вы сильно заблуждаетесь. При нем в Венгрии были запрещены все фашистские партии.

— Откуда вам знать это?

Кажется, что с этого места сапоги перестают интересоваться лейтенанта. Он поворачивается лицом к подследственному. Неторопливо сворачивает бумажный кулечек и раскуривает папиросу. Сквозь дым смотрит на Хендриксона.

— Я задал вопрос.

Арестант нехотя отвечает.

— У меня была еще одна встреча с Хорти.

— Когда?

— В 1936 году.

— С какой целью вы встречались с фашистским диктатором Венгрии? Какие указания вы получили от него? Говорить правду, сука, не врать! Харей ответишь за вранье! Кровавыми соплями умоешься, падла! Отвечать быстро и чётко!

Прежде чем ответить, Хендриксон оглядывается на дверь. Словно в ответ на его взгляд раздаётся негромкий стук в дверь. На пороге молодой солдатик с подносом. На подносе чайник, два стакана и горка бутербродов на тарелке — серый хлеб с маргарином и копченой колбасой, нарезанной ровными кружочками.

— Разрешите?

Лейтенант вместо ответа кивает головой на стол. Солдатик аккуратно, пытаясь не задеть бумаги, ставит поднос на стол.

— Разрешите идти?

Лейтенант, молча, кивает головой. Хендриксон сидит, сцепив руки на коленях и опустив взгляд. В поле его зрения попадают солдатские сапоги, обутые в войлочные галоши. Дождавшись, когда за солдатиком закроется дверь, лейтенант поясняет.

— Тюремная хитрость. Арестанты должны содержаться в тишине. Передвижения охраны — это тоже информация. В зависимости от ситуации информация может быть использована против охраны. Кстати, вы не ответили мне на вопрос о том, что вы делали у Хорти в 1936 году.

— У меня было поручение от негуса Абиссинии закупить партизанам оружие для борьбы с итальянскими оккупантами.

— Диктатор Хорти продал вам оружие?

— Нет. Он не захотел ссориться с итальянцами. Году в 1927 Хорти заключил договор с Бенито Муссолини. Мне он объяснил свой отказ тем, что для Венгрии нецелесообразно ссориться с Муссолини, а через него с Гитлером.

— А что вы?

— Ничего. Правда, отказ Хорти удивил меня. По моим сведениям, Хорти не был поклонником Гитлера

— Как вас понимать, Хендриксон, фашистский диктатор и вдруг не поклонник Гитлера?

— Хорти не был фашистом. Хорти был убежденным англофилом.

— Хотите сказать, что вы сблизились на почве англофильства?

Лейтенант плюет в бумажный кулечек и гасит в слюне окурок папиросы. Скомканный кулечек летит в общую кучу.

— Этот ваш, как вы его называете, англофил вступил в войну против СССР на стороне Гитлера. Что вы на это скажите?

— Могу предположить, что временный союз с Гитлером был продиктован желанием спасти Венгрию, точнее Великую Венгрию. Хорти — венгерский дворянин, аристократ. В этой среде традиционно развит антисемитизм, презрительное отношение к словакам и нелюбовь Германии. Союз с Гитлером это венгерское понимание целесообразности. Кажется, вы тоже не хотели ссориться с Гитлером? Пакт о ненападении...

Лейтенант резко обрывает тему:

— И всё-таки хочу понять, Хендриксон, почему Африка, почему Абиссиния?

— Когда я вернулся в Эстонию, то попытался выполнить другое поручение негуса. Его Величество искал помощи против Италии. Мне поручили найти контакты в России...

— Не в России, а в СССР!

— Хорошо, пусть будет СССР. Я даже ходил к русскому консулу в Таллинне, но он мне не поверил. Или сделал вид, что не поверил. Кажется, ему было не интересно. Африка для него это какая-то абстракция.

— Мне это тоже не интересно, Хендриксон. Кем вы себя возомнили? Еще один Лис пустыни? Бред какой-то! Вы мне так и не объяснили, почему Африка, почему Абиссиния.

— Это длинный разговор, гражданин следователь.

— А сегодня суббота, Хендриксон. Суббота располагает к отдыху от трудов праведных.

Сцена 21. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

В странном допросе образовалась напряженная пауза. Следователь, молча, уставился в окно. Арестант пытается сообразить, зачем следователю нужны лирические отступления. Он пытается потянуть время:

— Говорите суббота? Вы соблюдаете субботу, гражданин следователь? Вам же не положено верить в Бога и читать Библию. Может быть, вы и в Бога веруете?

— Почивать от трудов праведных в субботу — это фразеологизм русского языка и ничего более. Другими словами – устойчивое словосочетание. Если для пользы дела мировой революции партия прикажет мне верить в Бога, поверю. А не прикажет, то не поверю. Ну, что вы там решили: будете колоться за Африку или уйдете в глухую несознанку?

После секундного колебания арестант решается:

— Как вы относитесь к поэзии, гражданин следователь?

— А никак не отношусь. Стандартный школьный набор: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский. А это плохо?

— На самом деле — скверно. По своей сути вы жандарм. Чтобы достойно отправлять должность вам следует быть широко образованным человеком. Совестьливый человек на жандармской службе неизбежно черствеет душой. Чтобы не очерстветь окончательно следует поощрять в себе романтизм и развивать сентиментальность. Все выдающиеся русские жандармы были сентиментальными романтиками, что отнюдь не мешало им быть расчетливыми прагматиками. Фамилии Аракчеев и Зубатов вам ни о чем не говорят?

— Романтизм! Сентиментальность! Еще чего, Хендриксон! Служба требует классового чутья, четкости в исполнении приказов и беспощадности к врагам.

— Вы забыли об инициативе, гражданин следователь. Впрочем, у вас есть все задатки к тому, чтобы со временем в вас пробудилась сентиментальность. Читайте больше стихов, особенно запрещенных в России поэтов.

— Ваш совет, Хендриксон, прямая дорога к стенке. Вы мне ничего не говорили, я — не слышал. Вообще-то сегодня мы говорим без протокола.

— Нет, гражданин следователь, я настаиваю на протоколе. Вы обещали мне вечность в обмен на откровенность. У меня не так много времени, чтобы игнорировать вечность.

— Ладно, протокол так протокол. Считайте, что ваша взяла.
Следователь неохотно садится за стол.

— Кстати, Хендриксон, графу Аракчеву принадлежит девиз «Без лести предан», а жандармский полковник Зубатов известен тем, что имел на связи священника Георгия Гапона. Агента, через которого насаждал в Петербурге и Москве полицейский социализм.

Арестант не может сдержать довольную улыбку:

— А вы не безнадежны, гражданин следователь. Я слышал, что у вас преданность без лести не поощряется, так и на вас дело заведут. Может и в соседнюю камеру определяют.

— Вы, Хендриксон, об этом никогда не узнаете.

— Как знать, гражданин следователь, как знать...

Следователю забавно, что подследственный пытается играть с ним в игры, правил которых он не знает, а того, что знает — не понимает. Ему лень ставить подследственного на место. Между тем арестант продолжает:

— Кажется, это было ранней весной 1918 года в Петрограде. На Невском я неожиданно встретил Гумилева. Слышали о таком русском поэте?

Лейтенант одобрительно кивает головой, продолжая разминать давно размятую папиросу. Табак из мундштука сыплется на стол и на форменные галифе.

— Николай Гумилев проходил по делу об антисоветском заговоре профессора Таганцева. Доказательств не было, но мы его расстреляли на всякий случай. Ну, и что там ваш Гумилев?

Арестант усмехается:

— Узнай Николай Степанович, что он *мой*, удивился бы несказанно. Ну, да дело прошлое. Я к нему в друзья не набивался, но он меня почему-то отличал от множества поклонников. Впрочем, я не был его поклонником до тех пор, пока сам в Африку не попал. Я даже не могу сейчас сказать, где мы познакомились, кто нас познакомил... Не помню, да это теперь и не важно...

Следователь с напускной строгостью напоминает:

— Органам всё важно, а вечности тем более.

— Простите, даже для вечности не помню. Однако в ту встречу Гумилев был не один. С ним был господин, которого он рекомендовал мне как Евгения Сенигова, живописца и путешественника. Сенигов упомянут в стихотворении Гумилева «Мои читатели».

— Можете стишки прочесть на память?

— Только первую строфу, гражданин следователь.

— Читайте, Хендриксон, что помните, то и читайте. Считайте, что в нашем ведомстве вам уже зачлось, и в вечности зачтется.

Подследственный с напряжением в голосе декламирует:

— Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копыеносца
С приветом, составленным из моих стихов
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи...

— Не останавливайтесь, Хендриксон, я же вижу, что вы знаете стихотворение наизусть.

Подследственный продолжает чтение, и в его голосе уже нет напряжения. Стих звучит торжественно и четко, перед глазами встают картины Африки:

— Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,
Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Подследственный на несколько секунд умолкает.

— Дальше, гражданин следователь, я не помню, только последние три строчки, но вам они не понравятся.

— Читайте, Хендриксон, семь бед один ответ.

— Ну, как хотите. Вот три последние строки. Значит так: я учу их, как не бояться, не бояться и делать что надо...

— И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

— Это все?

Арестант кивает головой.

— Я тут сделал пометки. Террорист, застреливший императорского посла — это кто?

— Чекист Яков Блюмкин. Имя германского посла Мирбах. Событие известное.

— Вот и я о том же, Хендриксон. Событие известное: Мирбаха застрелили гораздо позже, чем вы, по вашим показаниям, встречались с Гумилевым, следовательно, он никак не мог читать вам это свое стихотворение. Ранней весной восемнадцатого года Мирбах был ещё жив. Зачем вы обманываете следствие, Хендриксон?

— Возможно, я ошибаюсь насчет стихотворения, но его первые строки относятся именно к тому человеку, с которым меня познакомил Гумилев. Старый бродяга в Аддис-Абебе — это Евгений Всеволодович Сенигов.

— Допустим, Сенигов. Для нас это, какое имеет значение?

— Вы же спрашивали меня, почему Африка. Ответ: потому что рассказ Сенигова о его приключениях в Абиссинии меня просто очаровал. Встреча с Сениговым — это лучшее, что случилось со мной в голодном Петрограде после большевистского переворота.

— После социалистической революции, Хендриксон, Великой Октябрьской социалистической революции. И не надо принижать значение события для мировой истории. Что есть социалистическая революция и что есть Сенигов?

— Сенигов, гражданин следовательно, это русский Гоген и, кстати, убежденный социалист. Я видел его акварели, я слышал его рассказы о древней Каффе и каффичо, об императоре Менелике. У меня до сих пор звучит в ушах его голос: «Лунные радуги играют при восходе и закате солнца и ярко блестят белые стволы темнолиственных гигантов, изредка мягкими пятнами выступают зелено-желтые и светло-зеленые породы...» Разумеется, Сенигов не был специалистом в геологии, но если долго живешь рядом с горами, рано или поздно приобретаешь некоторые познания. Я потом и сам это понял.

— Вот, Хендриксон, теперь и я понял, откуда ваша Африка, откуда минералогия.

Сцена 22. Петроград. Кунсткамера. Весна 1918 года.

Перед витриной с чучелом льва трое мужчин, одетых по полувоенной моде 1918 года. Двое зрелых мужчин почти ровесники, третий еще молод.

— Евгений Всеволодович, позвольте вам представить моего юного эстонского друга. Рекомендую, Вольдемар Хендриксон! А это приближенный негуса Менелика рас Сенигов! Евгений Всеволодович — путешественник и художник. Мой давний приятель по Абиссинии, где он известен как Белый Эфиоп.

— Простите, господин Хендриксон, в своей жизни я встречал только одного эстонца — плантатора. Он был моим соседом на реке Боро. Порядочная, надо сказать, шельма и бестия. Вздумал эфиопов учить эстонскому языку — *тере перемес, айта, палу*. А, каково?! Впрочем, быстро разорился. В Абиссинии, чтобы дела шли успешно, нужно иметь в друзьях самого негуса. Негус тоже шельма порядочная, но православный и протестантов не жалует. Англичан так вообще на дух не переносит, зато русских любит, особенно военных. А знаете, что негус хорошо понимает фотографию, но она оставляет его совершенно равнодушным. А вот карандашный рисунок всегда приводит его в детское изумление. Вот, Николай Степанович не даст соврать!

Гумилев важно кивает головой:

— Святая истинная правда! Чтобы сделать успешную карьеру в Абиссинии нужно быть русским офицером. Негус просто обожает военных. Кроме того, негус не равнодушен к художникам. Если обладаешь талантом к рисованию или живописи, то получаешь дополнительный шанс. Жаль, что поэзии он совершенно не понимает и вообще к чтению равнодушен.

— Однако надо признать, Николай Степанович, что правитель он весьма просвещенный. В Европе таких встретишь едва ли.

— И это святая правда.

— А что наш юный эстонский друг, какими талантами он блистает?

— Вольдемар имеет склонности к языкам — немецкий, английский, итальянский, разумеется, русский. У него пытливый ум и тяга к путешествиям. Правда, дальше Царского села из Питера не путешествовал. Вольдемар знает мои африканские стихи наизусть, хотя поэзию особенно не жалует. Политических взглядов никаких, что уже само по себе в наше время довольно странно. Военная карьера не состоялась. Автороту, в которой он служил, расформировали сразу после

переворота. Чем зарабатывает на жизнь, я из врожденной скромности не интересовался.

Сенигов внимательно рассматривает Вольдемара Хендриксона.

— Знаете, молодой человек, что политические взгляды следует все же иметь. Я, например, от молодых ногтей социалист, хотя моя старшая сестра была фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Из-за моих социалистических убеждений я выбрал политическую эмиграцию в Абиссинию.

Гумилев усмехается:

— Ты, Евгений Всеволодович, ври, да не завирайся. Тоже мне политическая эмиграция — из одной монархии в другую!

Сенигов лукаво улыбается:

— Вы прав, Николай Степанович, была причина, причем веская. Я дал клятву никогда не упоминать это имя вслух.

— Учитесь, Вольдемар, в Петрограде демократия, а наш Бельгий Эфиоп хранит верность императорской фамилии и будет верен клятве до гробовой доски. Сознайся, Евгений Всеволодович, ты ведь бежал не от убеждений, а от несчастной любви.

— Несчастной любви не бывает! Вам ли этого не знать, Николай Степанович! Если любовь несчастная, то это уже и не любовь вовсе. Любовь — это всегда счастье и счастье это не зависит от взаимности, как не зависит от внешних обстоятельств.

— Ну, давай приплети сюда еще Петрарку. Днем с ума сходил по Лауре, а ночью ходил утешаться к куртизанкам. И это, по-твоему, счастливая любовь?

— А не скажи, Николай Степанович, любовь она всегда свою дырочку найдет!

Сенигов заразительно смеется, приглашая разделить рискованную шутку.

— Совсем ты заморочил голову Вольдемару. Как бы он от тебя не нахватался социалистических убеждений. Ты ему лучше про Африку расскажи. Хоть какая-то польза будет.

— Какая там Африка! Я нынче в экспедиции и на охоту не хожу, провинцией не управляю, войсками не командую. Я просто фермер. Дома весь год хожу босиком. С тоски пью горькую — я же русский! Моей загадочной русской душе положено тосковать. Когда-то пытался устроить социалистическую коммуну, но прогорел на табаке — проторговался! Коммерсант из меня, знаете ли, никудышный. На досуге, странствую по Каффе, собираю легенды у стариков каффичо.

Вольдемар, поверьте, я всегда в моей любимой Каффе. Это здесь и сейчас я случайно, а там, в Каффе — всегда!

— Евгений Всеволодович скромничает. Его второе абиссинское прозвище «Русский Гоген». Отличный рисовальщик. Как рисовальщик конкурентов в Аддис-Абебе не имеет. В Петроград он привез свои рисунки и акварели в дар Кунсткамере.

Гумилев делает серьезное лицо:

— Кстати, Вольдемар, ваш новый знакомец отличный стрелок и удачливый охотник. Этот замечательный лев — трофей Белого Эфиопа. Подарок самой императрице!

— Николай Степанович, ты как никогда убедителен в своих проделках. Что если Вольдемар поверит твоему вранью?

— А ничего. Правда, как ты говоришь, всегда свою дырочку найдет.

Сцена 23. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

Следователь перебирает на столе бумаги. Подследственный скучает на табуретке. Слегка согнув пачку документов, офицер выравнивает бумаги, постукивая стопкой по столу. Отложив документы в сторону, начинает допрос. Его тихий голос не предвещает арестанту ничего хорошего.

— В странные игры ты со мной играешь, Хендриксон. Вот справка. Евгения Всеволодовича Сенигова мы расстреляли в 1937 году, как английского шпиона.

— Гражданин следователь, я успел заметить, что большевики питают странную неприязнь к востоковедам и африканистам.

— Не борзей, Хендриксон. Я тебе не хрен в пальто. Я боевой офицер Эн-Ка-Вэ-Дэ!

В подтверждение кулак следователя врывается в столешницу с такой силой, что слышно, как хрустнули косточки ладони. От боли он расплывается, но голос не повышает.

— В отличие от тебя, гадина эстонская, я кровь за Родину проливал. Вот нашивка за ранение! Думаешь, если статья расстрельная, то можно передо мной буквально канкан вытворять? Вытворять, конечно, можно, но до поры. Думаешь, нет ничего страшнее смерти? Есть! И я могу тебе, говнюк, это организовать прямо сейчас.

Следователь перевел дух:

— На безболезненную и непостыдную кончину можешь не рассчитывать.

— А я и не рассчитываю, гражданин следователь. Я просто жду суда.

— Не жди, падла, снисхождения от советского суда! Измена родине — это тебе не лопатник на вокзале подрезать!

— А я и не жду, гражданин следователь. Я спокойно жду Его суда.

Арестант делает резкое движение указательным пальцем правой руки в сторону потолка:

— Кстати, он вас тоже ждет.

— Кто меня ждет?!

— Он — тот, в кого вы не верите, а он ждет, и будет судить каждого за свое. И вас он тоже будет судить по делам вашим.

Неожиданно следователь успокаивается:

— Стихи читай, а вот религиозную пропаганду, блядь, я тут не потерплю. Ты, Хендриксон, хоть и сволочь изрядная, но ты мой шанс на перевод в Москву, и я его не упусти. А я — твоя гарантия дойти до стенки своими ногами. Это понятно?

— Про Москву и стенку понятно. Не понятно, гражданин следователь, отчего вы так сердитесь на меня?

— Слушай сюда: согласно справке, Сенигов вернулся в Россию из Эфиопии только в 1924 году, пройдя через английский плен в Египте. И все что ты, фраер дешевый, мне тут наплел на этого дохлого фигуранта это туфта. Вздумал обмануть меня? Не выйдет! Не таких орлов кололи до седла!

Офицер испытующе смотрит на подследственного. Хендриксон сидит, сложив руки на коленях и опустив глаза в пол. Спустя несколько мгновений он поднимает голову и смотрит прямо в глаза офицеру. Начинает говорить медленно, словно подбирая слова:

— Вы правы, гражданин следователь, я обманул вас. Но если бы я все свалил на покойного Гумилева, то никогда бы не узнал о судьбе Сенигова. Гумилева вы бы перепроверять не стали. Так ведь?

— Так ты использовал меня, сволочь!

— Простите, гражданин следователь, но все, что я слышал об Африке, я действительно слышал от Николая Гумилева. Это он рассказал мне о Сенигове и показывал мне его рисунки и акварели. Вы были правы: Африка, живопись, минералогия все это — от Сенигова, но в пересказе Гумилева. Потом я нашел еще одно стихотворение Гумилева, в котором угадывается Сенигов. Там в конце есть такие строки:

Я узнал, узнал, что такое страх,
Погребенный здесь, в четырех стенах;

— И ты не боишься мне это говорить?

— Не боюсь, гражданин следователь, дальше стенки в тюремном дворе меня уже не пошлют. Однако вы правы: нет ничего страшнее, чем быть погребенным в четырех стенах. Это даже хорошо, что вы расстреляли Сенигова, тюрьма была бы для Белого эфиопа глубоко личным оскорблением.

— Значит, Хендриксон, если мы вас расстреляем, то это будет проявлением гуманизма?

— Простите за вольность, гражданин следователь. Не вам рассуждать о гуманизме. Вас так воспитали, что гуманизм для вас пустой звук. Вы молоды, вы еще настоящей воли не нюхали. Вы не знаете, чего она стоит и какую плату с вас потребует. Вы понятия не имеете о том, как это вести караван и неделю не встретить человеческого жилья и воды! В караване ты и верховная власть, и единственный закон. Все это было в моей жизни, а вы меня своим законом пугаете!

Следователь закуривает, делает несколько затяжек, выпускает дым к потолку. Внезапно спохватывается и, загнав мундштук папиросы в угол рта, морщась от дыма, начинает нервно крутить бумажный кулечек. Арестант терпеливо ждет.

— Складно травмишь, Хендриксон, и что там дальше?

— А дальше, гражданин следователь, позади перевал, а впереди на юге горная гряда. Над почерневшей грядой черные тучи, сверкают молнии, а над вами палящее африканское солнце. Караван спускается на плоскогорье. Лошади прядают ушами, когда до вас долетают раскаты грома. Скоро вечер, но останавливаться нельзя, до ближайшего колодца ходу сутки. На вечернем привале придется высылать авангард — лошадям и ослам нужна вода. Внезапно вы замечаете, что метрах в ста на закате параллельно каравану кто-то движется в густой высокой траве. Это львица. Движение осторожное, но вы его заметили, и вот вы уже не дичь, вы снова охотник.

— Вы мне Гумилева пересказываете?

— Увы, гражданин следователь, это мой личный опыт. Ночью к лагерю приходят львы. Большой частью из любопытства, но если среди них окажется хоть один людоед, то носильщики будут исчезать каждую ночь. В одно прекрасное утро — паника и неповиновение, грозящее перейти в бунт. От того, каким будет твое решение, зависит, будут ли завтра живы твои люди... Будешь ли ты жив сам...

— Вы меня пугаете львами, Хендриксон, а мне не страшно.

— Я не пугаю, гражданин следователь, я просто пытаюсь объяснить, что такое воля и африканский простор.

— Скажите, Хендриксон, только честно: какое это имеет отношение к минералогии, о которой вы тут распинались? Неужели золото?

— И платина тоже.

— Хендриксон, вы не похожи на сказочного Гарун-аль-Рашида. Я вот тут смотрю протокол обыска. У вас изъяли трюмо, старый сундук, неисправный радиоприемник, сочинение Гитлера «Main Kampf». Вам даже не из чего было застрелиться при аресте, не говоря уже о вооруженном сопротивлении. Тем не менее, мне интересно, сколько вы припрятали на черный день?

— Нисколько. Все вложено в недвижимость в Абиссинии.

Следователь настаивает:

— А на черный день?

— Черный день у меня здесь, гражданин следователь, в тюрьме. От вас никаким золотом не откупишься.

— А сколько вы готовы предложить родине?

— Нисколько. Есть результаты геологоразведки, но вы не сможете превратить их в золото и платину.

— Зачем вам земные богатства, Хендриксон, если вы уже одной ногой в Царствии небесном? Если взнос будет приличным, можно поторговаться. Страна в руинах, нужны деньги на восстановление хозяйства и промышленности. Ну, Хендриксон, вы же нежадный человек! Отдайте золото родине, и родина сохранит вам жизнь!

— Если бы я мог помочь родине, то, прежде всего, помог бы Эстонии избавиться от назойливых гостей.

— Не надо борзеть, Хендриксон. Будете борзеть, вернемся к тому, с чего начали. Вижу, разговор о золоте вас нервирует. Понимаю, тяжело расставаться с тем, чему посвятил большую часть жизни. Решайтесь! Сдадите золото — вам поблажка, мне повышение по службе.

Хендриксон расстегивает ворот рубашки. Кашляет, словно наглотался табачного дыма. Тянет время. Следователь терпеливо ждет, пуская дым папиросы в столешницу.

— Ещё раз простите за вольность, гражданин следователь. Золото для вас — это экономическая категория по Марксу. Для меня оно почти живое. И ведь не с ружьем за ним гоняешься, а с промывочным лотком и лопатой. Золото прячется, хитрит, обманки подкидывает, а ты терпеливо идешь по его следу. Найдешь и счастлив не оттого, что стал богат, а оттого, что сумел поймать беглянку. Ваша беда в том, что

вы не знали нужды. Жили бедно, но не в нужде. Вы не знаете, что такое богатство и власть, которую оно вам дает.

— Ну, Хендриксон, ты и загнул. Власти у меня по горло!

Следователь делает характерный жест ладонью руки.

— Власть без богатства — это власть без гарантий и без ответственности. Сегодня вам дали власть, а завтра лишат ее. Кто дал, тот и отнял. И только золото настоящая и единственная гарантия того, что власть останется при вас.

Следователь гасит окурок в бумажном кулечке и внезапно меняет тему:

— К разговору о золоте мы вернемся, когда стенка станет ближе. Как говорится, дело надо кончать, а законченным оно станет, когда будет сочетать в себе объем деяния и полноту наказания. Так что валяйте дальше ваши приключения. Что там было после Венгрии?

Подследственный оживает:

— Из Венгрии мы двинулись пешком через Сегед в Нови Сад. Шли пешком, чтобы иметь больше материала для газетных статей. Через Югославию вышли в Грецию. По дороге ничего примечательного. Из Пирея на пароходе отправились в Александрию. Там нас задержали. Наши визы признали недействительными, потому что мы живем рядом с Советской Россией. Продержали пару дней в кутузке и за свой счет отправили обратно в Пирей. Из Пирея мы пошли пешком в Турцию. В Турции нам даже не дали сесть на пароход. Корро запил и я бросил его без сожаления. Я вернулся в Пирей, оттуда пешком в Триест, но прежде пришлось заехать в Милан...

Сцена 24. Триест – Милан – Турин.

В ожидании парохода в Каир Хендриксон едет из Триеста в Милан. Железная дорога то поднимается в горы, открывая фантастические для уроженца Эстонии виды, то спускается в долины, прорезая деревеньки и виноградники. Виды Милана...

<Внезапно действие возвращается в комнату для допросов.>

На лице у следователя скептическое выражение:

— Барон Мюнхгаузен по сравнению с вами, Хендриксон, просто сопляк. Какого черта вас понесло в Италию?

— В Милане я рассчитывал застать Бенито Муссолини. Вы же помните, что у меня были обязательство перед газетой.

Следователь понимающе кивает головой.

— В Милане я дуче не застал. Он уехал на несколько дней в Турин посетить заводы Джованни Аньелли – знаменитый «FIAT». Почему бы и мне не поглазеть на Турин? Я ринулся в погоню за Муссолини. В Италии он уже прочно вошел в моду, а в Северной Европе о нем совершенно ничего не знают. Окрестности Милана довольно скучны, зато предгорья Пьемонта просто очаровательны.

Следователь с недоверием смотрит в лицо подследственному. Последняя затяжка и в угол летит скомканный кулечек с окурком папиросы.

— О чем это вы сейчас, Хендриксон?

— О Пьемонте. Предгорья очаровательны...

— Я не об этом, Хендриксон. Я не ослышался: вы встречались с фашистским диктатором Муссолини?

— Это была краткая аудиенция, после чего дуче пригласил меня осмотреть завод и выставку автомобилей «FIAT».

— Хендриксон, я уже начал составлять обвинительное заключение, а теперь вы признаетесь, что работали на разведку фашистской Италии. Вы совершенно не цените мой труд, Хендриксон. Теперь вам придется написать признательные показания о том, что в Италии вы были завербованы фашистской разведкой.

— Постойте! Меня никто не вербовал!

Следователь неспешно достает из портсигара папиросу. Проверив указательным и большим пальцем набивку, критически осматривает в портсигаре другие папиросы. Закончив осмотр, произносит с огорчением:

— Пересохли.

Подследственный заметно нервничает:

— Гражданин следователь, да какое это имеет значение!

— Для вас никакого, а для следствия всё имеет значение. В Италии вы, Хендриксон, вступили в контакт с фашистским диктатором. Он завербовал вас. Это говорит о вашей жадности и неразборчивости в хозяевах. Следствие обязано разобраться в этом эпизоде вашей шпионской деятельности. Ладно! Не кипишитесь! Рассказывайте, что там в Пермонте.

— В Пьемонте. Правильно — в Пьемонте.

— Да какая хрен разница, Хендриксон, продолжайте! Следствие потом решит, что делать с этим эпизодом из вашей агентурной биографии...

Поезд. За окном потянулись предместья Турина. Виды города.

Хендриксон прогуливается по городу и заходит в Chiesa di Santa Maria della Consolazione. Стены церкви от пола до потолка украшают подарки — старинные нашивки, эполеты, шпаги, шпоры, перемежающиеся с незатейливыми рисунками в простых рамках. Хендриксон рассматривает рисунки, на которых изображены чудесные спасения прихожан, совершенные Божией Матерью в мирной жизни и во время Первой мировой войны.

На парапете Хендриксона встречает моллдой человек в военной форме.

— Signor Hansen?

Хендриксон, стоя на две ступеньки выше военного, вежливо приподнимает шляпу:

— Sì, mi Hansen.

— Signor Hansen è un giornalista?

— Sì, io sono un giornalista

Военный делает приглашающий жест рукой в сторону автомобиля.

— Cortesemente mi seguono. Duce è attesa per voi.

— Con molto piacere.

Мужчины садятся в открытый автомобиль, который теряется из виду в переулках Турина.

Сцена 25. Турин. Интервью с Муссолини.

Комната в старинном особняке. Хендриксон с любопытством осматривает убранство — мебель, картины, статуэтки. Военный за его спиной нервничает. Внезапно приоткрывается дверь кабинета. Дама, на ходу оправляя платье и прическу на непокрытой голове, быстрым шагом пересекает гостиную. Военный опускает взгляд.

Дверь в кабинет распахивается.

— Si può andare, signor Hansen, Duce vi dà il benvenuto.

Хендриксон входит в кабинет. Стоя лицом к окну, дуче правляет портулюю. Его лицо покраснелось, и он тяжело дышит. В комнате витает отчетливый привкус разврата — запах духов и разгоряченных тел. Адъютант, опережая хозяина кабинета, подхватывает с пола какую-то деталь женского туалета.

— Signor Hansen, un giornalista.

— Dove?

— Dall' Estonia.

— Dove si trova?

— Da qualche parte nel nord.

— Ecco come. Capiva l'italiano?

— Dice.

— Eccellente!

Дуче разворачивается лицом к гостю.

— Прошу извинить меня за некоторый беспорядок. Фашист всегда должен быть готов к любым неожиданностям, особенно со стороны женщин. Вы не находите?

— Дуче имеет в виду покушение мисс Виолеты Гибсон?

— Вы хорошо осведомлены, господин Хендриксон, для первого визита в Италию, великую Италию!

— Рассказывают о вашем мужестве в момент покушения.

Дуче выпячивает губы и надувает щеки, одновременно нахмуривая брови:

— Представьте себе! В меня стреляла женщина! Женщина! Англичанка! Могла бы отдаться мне, а она стреляла в меня! Пуля царапнула мне переносицу. Крайне неприятно, но царапина не испортила моих отношений с Англией. Бог на стороне потомка цезарей!

— Рассказывают, что вы не только социалист, но и атеист тоже.

— Вранье! Я настоящий фашист. Как фашист я признаю наличие высшей силы. В меня стреляли в упор, но Бог отвел пулю. Смерть не страшна. Если я иду вперед, идите за мной! Если я отступлю, убейте меня! Если я умру, отомстите за меня!

Забывшись, Муссолини указательным пальцем левой руки делает жест в сторону Хендриксона:

— Ну?

— Верить, повиноваться, сражаться.

— Неплохо, господин Хендриксон! Очень неплохо. Вы могли бы стать моим учеником. Сподвижником! Я ценю преданность, разумеемся, без лести.

— *Prodit sine adulatione.*

— Предан без лести — отличный девиз для того, кто служит!

— Это чужой девиз, а я не могу служить вам, дуче. У меня другая миссия.

— Какая?

— Рассказать о вас моим читателям. Кстати, вы позволите мне сделать ваш портрет?

— Фотопортрет? Вам дадут любую фотографию из моего личного архива.

— Благодарю вас, дуче, но я хочу сделать карандашный набросок с натуры. Если, конечно, вы не будете против. Блокнот и карандаш всегда при мне.

— Что ж, прошу вас, господин Хендриксон!

Дуче указывает пальцем на кресло у журнального столика.

— Какая поза вас устроит?

— Самая непринужденная.

— Отлично! Я буду позировать стоя. Потомок Цезарей в полный рост! Вы только что заслужили это право, господин Хендриксон.

Муссолини принимает позу власти: левую руку он упирает в бок, заложив большой палец за ремень, правой рукой сжимает на груди ремень португалии.

— Расскажите о себе, дуче.

— Я человек из народа, Я понимаю народ, потому что я — часть народа. Народ понимает меня, потому что я понимаю народ. Как видите, все очень просто.

— Вы уверены в том, что народ понимает доктрину фашизма?

— Фашизм — это не товар на экспорт, господин Хендриксон. Фашизм — это основа жизни. Не уверен в том, что вы сумеете донести до ваших читателей простую истину: фашизм — это действие и одновременно фашизм — это мысль. Так понятно?

— Прошу вас, дуче, не останавливайтесь, мне так легче запоминать.

— Вы не пользуетесь стенографией? Эти северные народы не перестают удивлять меня! Ладно, вот вам еще одна мысль: представьте себе, что есть вечная и универсальная реальность, в которой ваша жизнь всего лишь частный случай. Представили?

Хендриксон, не отрываясь от рисунка, кивает головой. Муссолини продолжает:

— Я ввел в оборот понятие тоталитарного государства. Государство — это истина, а истина всегда тоталитарна. Истина не предполагает различия мнений. Не существует государства, которое, в основе, не было бы самой жизнью. Таким образом, фашизм есть проявление государства, то есть проявление жизни во всем ее многообразии. Фашизм это духовная концепция, это реакция на материалистический позитивизм прошлого века!

Увлечшись, Муссолини меняет позу. Теперь он стоит, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока.

— Фашизм желает иметь дело с человеком активным! Человеком, который знает, что жизнь — это борьба! Человеку следует завоевать себе достойную жизнь, созидая из себя самого орудие для ее устройства. Фашист презирает удобную жизнь обывателя. Мысль и действие — вот стержень фашизма! В нем ищите ценность созидательного труда. В нем находите ценность культуры во всех ее проявлениях, включая религию. Фашизм рассматривает человека в его имманентном отношении к высшему закону, то есть к Богу. Фашист представляет себе жизнь серьезной и суровой, изначально религиозной... Успеваете записывать?

Хендриксон отрывается от рисунка:

— Простите, дуче, я запоминаю.

— Это не вам, друг мой. С некоторых пор я завел себе секретаря. Он сидит в соседней комнате и фиксирует мои мысли. Так на чем мы остановились?

— На отношениях человека с Богом.

— Вот как! Вне истории человек есть ничто. Поэтому фашизм отрицает все социальные абстракции прошлого века. Нет счастья на земле, поэтому фашизм отрицает все попытки окончательного устройства судьбы рода человеческого. Так называемое счастье равносильно поставлению себя вне истории. Вне жизни! Меня это не устраивает! Моя жизнь — это непрерывная борьба до изнеможения. Я сиживал за тюремной решеткой во многих странах. Это всегда давало мне возможность отдохнуть, чего иначе я был бы лишен вообще. В тюрьме я понял, что фашизм стремится быть жизненной доктриной. Практически же фашизм желает разрешить только те задачи, которые выбирает сама история. Я говорю о задачах, которые, по мнению истории, должны быть разрешены *определенным образом*.

Отреагировав на интонационное выделение, Хендриксон отрывается от рисунка:

— Боюсь, дуче, что я сейчас услышу то, о чем мои читатели не хотят даже думать.

Муссолини выпячивает подбородок и губы. Дуче хмурит брови, тщетно пытаясь скрыть внезапно охвативший его кураж:

— А вы, прозорливы, господин Хендриксон! Вы сами просили меня обратиться к вашим читателям. Какое мне теперь дело, хотят они или нет! Я обращаю к ним свое слово. Это слово, пугающее и пленительное. Это слово, которое в обычные времена я никогда бы не произнес, но сейчас, руководствуясь искренней верой в фашизм, я просто вынужден заявить во всеуслышание — война! Война — это главный инструмент истории, нравится вам это или нет. Человечество воюет от времен Каина и Авеля. Кто сказал, что мы должны избегнуть войны?! Чуть!

Сцена 26. Турин. Завод «FIAT».

Заводы компании FIAT. Из громкоговорителей слышен задорный марш:

Salve o popole d'Eroi
Salve a patria immortale
Son rinati i figli tuoi
Con la fe' nell' ideale
Il valor dei tuon guerrieri,
La virtù dei pionieri
La vision dell' Alighieri
Oggi brilla in tutti i cuor.

Giovinezza, Giovinezza,
Primavera di bellezza
Della vita nell' asprezza
Il tuo canto squilla e va!
E per Benito Mussolini,
Eja eja alala.
E per la nostra Patria bella,
Eja eja alala.

Dell' Italia nei confini
Son rifatti gli italiani;
Li ha rifatti Mussolini
Per la guerra di domani.
Per la gloria del lavoro
Per la Pace e per l' alloro,
Per la gogna di coloro
Che la patria rinnegar.

Под звуки гимна «Giovinezza» Муссолини в компании хозяина завода Джованни Аньелли осматривает заводской конвейер и автомобильные новинки.

Восхищение дуче вызывают шикарная модель FIAT 507 и почти народный автомобиль FIAT 520. Он позирует на фоне обоих автомобилей. Хендриксон делает зарисовки.

Сцена 27. Александрия – Каир – Аддис Абеба.

Итальянский пароход из Триеста в порту Александрии. Пассажиры покидают пароход. У трапа египетская полиция проверяет паспорта. В стороне стоит чиновник англичанин, внимательно рассматривающий пассажиров. Увидев Хендриксона, указывает на него стеклом. Помощник перехватывает Хендриксона, в тот момент, когда полицейский возвращает ему паспорт.

— Господин Хендриксон, вы проявляете завидную настойчивость. Хотите, чтобы вас официально объявили нежелательным иностранцем?

— В не имеете права! У меня есть британская виза!

— Я имел счастье видеть вашу визу уже дважды в течение короткого времени. Ваша британская виза недействительна, господин Хендриксон. Вот уже четыре года, как Египет это независимое королевство!

— Вы же англичанин и тогда, что вы здесь делаете?

— Служу его королевскому высочеству Фуаду Первому.

— Но ведь у этих людей, — Хендриксон кивает на остальных пассажиров, — точно такие же визы как у меня. Почему вы их не задерживаете?

— Господин Хендриксон, это итальянцы, греки, французы — их здесь знают. Вы — эстонец, вас не знает никто.

— Что из того, что я эстонец?

— Не надо так нервничать, господин Хендриксон, ваша страна находится в опасной близости к большевистской России. Королевство Египет не может себе позволить большевистскую заразу.

— С чего вы решили, что я большевик? Я журналист!

— Вы бродяга, господин Хендриксон, — глобтроттер. Достаточно того, что вас здесь не знают. Сейчас вас проводят в участок, а утром посадят на пароход в Триест.

Помощник подзывает полицейского. Чиновник поворачивается спиной к Хендриксону:

— Прощайте, господин Хендриксон. И не советую валять дурака. В следующий раз я просто отправлю вас в тюрьму. Местные тюрьмы далеки от совершенства. Европейцы в них долго не живут.

Хендриксона отводят в полицейский участок. Какое-то время он сидит на скамейке, потом просится в туалет. Окно туалета почти на уровне лица, выходит прямо на улицу. На окне решетка, прикрученная шурупами к деревянной раме окна. Решение созревает мгновенно. Вернувшись обратно, Хендриксон демонстрирует полицейскому мокрые между ног брюки, раскрывает чемоданчик и показывает нижнее белье.

— Господин полицейский, мне нужно переодеться!

Полицейский с недовольным видом все же кивает головой.

Quickly!

В туалете Хендриксон достает из чемоданчика нож и выкручивает шурупы, удерживающие решетку. Подтянувшись на подоконнике, несколько секунд вглядывается в темноту, потом аккуратно опускает чемоданчик за окно. Вслед за чемоданчиком вылезает сам.

* * *

Переполненный вагон поезда. Пестрая египетская публика. За окном мелькают унылые и однообразные виды пустыни.

* * *

Ранее утро. По дороге из Джибути в Аддис-Абебу на ухабах трясется разбитый грузовичок. В кузове среди клеток с курами, прикрыв от пыли нижнюю половину лица платком, дремлет Хендриксон. Вместо шляпы он уже успел обзавестись поношенным пробковым шлемом. Вместе с первыми лучами солнца открывается вид на столицу Абиссинии.

Сцена 26. Батарейная тюрьма. Комната для допросов.

За окном сгущаются сумерки. Город недавно перешел от военного положения к мирной жизни. В городе зажигаются фонари.

В допросной темно, но следователь не спешит зажигать свет. При затычках пульсирует огонек горячей папиросы.

— Подследственный, не спать!

— Я и не сплю.

— Вижу, как вы не спите.

Звук плевка и шипение гаснущего окурка. Кулечек с пеплом и окурком летит в общую кучу.

— Господин Хендриксон, вы развили при дворе негуса бешеную активность. Вы как главная спица в любой колеснице. А я вам не верю. Вы простой эстонский парень, а в совершенстве владеете немецким, английским, итальянским. Запросто вхожи к фашистским главам. Не находите это странным? Только честно, на кого вы работаете, Хендриксон?

Подследственный тяжело вздыхает:

— На кого бы я ни работал, я всегда работал на будущее моей родины. Не той родины, которой я изменил. Ну, вы меня понимаете...

— Хендриксон, вы не похожи на буржуазного националиста. Вы голь перекатная. Шпана. Покажите мне ваше золото! Покажите мне платину! Не можете? А жить, поди, хотите. Не отвечайте, сам знаю, что хотите. А купить жизнь вам не на что. И что прикажите делать с вами?

После паузы подследственный отвечает:

— Зажечь свет и писать протокол допроса. Помните, мы заключили сделку. Вы дали слово.

— Как дал, так и взял.

— Воля ваша.

Следователь тоже вздыхает, скорее притворно:

— Включите свет, Хендриксон, и без глупостей. Так что там у вас с графом Ребиндером? Он вас тоже завербовал?

— В Джибути меня познакомили с графом Ребиндером. Ему пришлось бежать из Абиссинии...

— Шпион попался?

— Скорее наоборот, гражданин следователь. Ребиндер служил при дворе раса Тэфэри Мэконнына шталмейстером, но что-то у него там не сложилось в отношениях с английским послом. Последовал донос, и графу пришлось уносить ноги. В Джибути он снабдил меня самой свежей информацией об Абиссинии и дворе негуса. От него я получил рекомендательные письма.

— Не так быстро, Хендриксон, кто такой растафари мы-ымы...

— Рас, значит принц. Тэфэри Мэконнын – родовое имя. Негус, значит император. Когда рас стал негусом, то короновался под именем Хайле Селассие I.

— Ладно, запишите потом собственноручно. Так что там с письмами?

— Граф дал мне рекомендации к директору Государственного банка господину Колли. Колли принял меня холодно. Из разговора с ним я понял, что Ребиндер не прижился при дворе негуса, потому что плохо владел английским и не поладил с британским послом.

— Понятно. К кому были остальные письма?

— Письмо, гражданин следователь. Второе письмо было к послу Италии, не могу теперь вспомнить его имя. Он представил меня негусу. А дальше директор банка пристроил меня горным инженером в английскую компанию «Gold Mining Corporation of Ethiopia». Тогда-то я впервые и увидел, то о чем рассказывал Гумилев со слов Сенигова — зеленокаменный пояс золотых рудников. Потом я не раз вспомнил химика Корро добрым словом.

— Чем занимался Корро в Эстонии?

— Не знаю. Я вообще не уверен, что он вернулся в Эстонию. В Турции у него было много возможностей устроиться по профессии.

Аддис—Абеба. Дворец негуса Хайле Селассие I.

Императорский дворец. Негус Хайле Селассие I. Перед негусом на коленях стоит Вольдемар Хендриксон.

– Вольдемар! Это не ваша война, но я чрезвычайно ценю ваше искреннее желание помочь. Молчите, мой друг! Я жалую вам титул раса и одновременно освобождаю от всех обязательств по отношению ко мне... Прошу вас молчите! Не говорите ни слова!

Негус поднимает Вольдемара Хендриксона с колен и говорит, глядя ему прямо в глаза:

– Рас Вольдемар, помогите мне там, в Европе. Нужда в оружии, конечно, есть. Важнее оружия только слово. Бог сделал для короля Эфиопии больше славы, благодати и величия, чем для всех других царей земли. И пусть Бог избавит нас от своего гнева, чтобы мы выполнили Его духовное благоволение и обрели себя в Его Царстве. Аминь!

– Kebra Nagast! Ваше величество цитирует «Славу царей»!

– Истинно так, рас Вольдемар! Помогите мне словом, но не здесь, не в моем царстве. Помогите там, в Европе! Пусть эта старинная рукопись Kebra Nagast напоминает вам обо мне.

Негусу протягивают тяжелую рукопись Kebra Nagast, и он с полупоклоном вручает ее Хендриксону. Хендриксон принимает рукопись и в свою очередь делает глубокий поклон.

– Благодарю вас, Ваше Величество, это истинно царский подарок. Я не достоин его.

– Полно, рас Вольдемар! Надеюсь, что у тебя будет случай вернуть семейную реликвию в императорскую сокровищницу, а пока храни ее у себя. Взамен я прошу тебя по обычаю расов и в память обо мне назвать первенца Шифара.

– Сильнее тысячи!

– Пусть он будет таким же могучим и таким же надежным, как это мое любимое дерево.

Сцена 27. Приговор.

Судья зачитывает приговор:

– Сальме Бориса Михкелевича, Тулика Юрия Генриховича, Хендриксона Вольдемара Андреевича по совокупности совершенных ими преступлений на основании статьи пятьдесят восемь один «а» Уголовного кодекса Российской Советской Социалистической Республики подвергнуть высшей мере уголовного наказания – расстрелу каждого с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Крупно лицо Хендриксона. Крупно лицо судьи:

– Приговор окончательный и обжалованию не подлежит

Приведение приговора в исполнение. Осужденного ведут по коридору до Т—образной развилки. Звучит команда «Налево!» Приговоренный поворачивает налево и оказывается в тупике. Из тупика справа выходит офицер НКВД и стреляет приговоренному в затылок.

* * *

Декорация расстрельного подвала установлена прямо на улице одного из европейских городов, похожего на Будапешт. Камера поднимается выше, потом находит в толпе пешехода и, приблизившись, следит за ним. Пешеход останавливается перед входом в посольство Эфиопии, в руках у него старинная рукопись *Kebra Nagast*.

Это сильно постаревший Вольдемар Хендриксон.

